

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алексей НОУНЭЙМ

ДВА ПЛАМЕНИ

Этот мир не умеет прощать

Annotation

Планета, на которой проще погибнуть, чем остаться в живых. Здесь не прощают предательства — этот мир не умеет прощать. Но и дружба крепка — здесь умеют дружить. Алексею придется сражаться за ресурсы, свою жизнь, жизнь друзей. И в статусе князя вскоре предстоит защитить всю планету.

Алексей Ноунэйм

Два пламени

© Алексей Ноунэйм, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пробуждение было тяжким. Болело всё. Не так, как болит обычно, болело, казалось, все тело, каждая клетка, каждый нерв. Картинка перед глазами никак не хотела складываться. Очень похоже на состояние перепоя, а именно на знаменитый «вертолет», только еще и изображение было расплывчатым и постоянно меняло цветовую гамму. Мысли вообще не хотели посещать голову. Так продолжалось бесконечно долго, но вот пришла спасительная темнота.

Второе пробуждение было легче, тело болело, но уже как-то конкретней — мышцы, кожа, желудок вообще был просто в истерике, видимо, и негодовал, как мог, но видел я уже все отлично и смог-таки осмотреться.

Я сосредоточился, шум что-то напоминал, но я никак не мог понять, что. Еще попытка, еще и еще. Стоп — получилось. Что-то говорили рядом, настойчиво спрашивали, скорее всего у меня.

— Пить, — прохрипел я.

Голоса изменили тональность, но понять, о чем говорят, я не мог. Меня переложили, и я куда-то поехал. Недолго и недалеко. Затем снова меня перекинули, и я увидел закрывающуюся крышку. Если бы она не была прозрачной, то я бы решил, что крышка гроба, но нет — гробы не делают прозрачными. Крышка закрылась, и я отрубился снова.

Снова пробуждение, смотрю, как прозрачная крышка надо мной открывается, и слышу голос. Теперь уже понимаю, что он говорит, но есть какая-то неправильность. Никак не могу ухватить, в чем она. Мне предлагают выбираться из капсулы. Ну, да я и сам не против. Выбираюсь. Оглядываюсь. Интерьер незнакомый. Чувствуется в нем явно медицинская направленность. Нет никаких скальпелей, никто не ходит в белых халатах и тому подобное, но вот что-то явно мне говорит, что это все медицинское. И непонятные капсулы, и непонятное оборудование, что частично выглядывает из стены, и шкафы-полки, наполненные разными емкостями. Но все стерильно чисто, голо и функционально, все промаркировано, и всем явно часто пользуются. Этого недостаточно для выводов о медицинском назначении, но вот что-то еще на грани ощущений явственно мне говорит: «Алексей, ты в операционной».

— Здравствуй, разумный. Я доктор местной базы. Ты был очень плох, но как это ни удивительно, я тебя вытащил. Жить будешь. Но вот насчет радоваться тебе этому или нет, я не знаю. Это база колониального мира Оргум. Тебя и других разумных привезли наемники и сдали нам. За вознаграждение. За весьма крупное вознаграждение. Откуда они вас всех взяли — я не знаю, да мне и все равно. Говорят, отбили у работорговцев. Скорее всего, это правда. У вас всех очень высокие показатели ИИ — индекса интеллекта. Им было бы намного

выгодней продать вас в рабство черным, чем тащить нам. У нас рабства нет, но есть — уже у вас перед нами — обязательства. Премия за вашу доставку не может быть переложена на вас, так как торговать разумными нам запрещено, но вот стоимость лечения, содержания и прочего вы обязаны нам возместить. Особенно порадую тебя. Твое лечение вышло самым дорогим, так что готовься выплачивать семьдесят-восемьдесят тысяч кредитов. Ваша партия вся состоит из «диких» — так у нас называют заселенные людьми миры, не входящие в Содружество, так что кредитов у тебя скорее всего нет. В этом случае тебе просто надо их отработать. Эту возможность корпорация тебе предоставит. Тебе и другим таким же. Мне честно жаль, что вы все пойдете в колонисты — с таким уровнем интеллекта тебе, да и большинству ваших, в любом мире Содружества выдали бы льготный кредит, и корпорации передрались бы за возможность заполучить вас на работу. Но не здесь. Никто не будет оплачивать за вас еще и это, как, впрочем, и доставку в центральные миры. Так что вам прямая дорога в обычные колонисты. С чем я вас и поздравляю. Особенно тебя, так как сам уже не верил, что тебя вытяну. Душ направо, там же одежда. Иди.

С душем я справился. Чем-то напоминает душевые кабины, только все включается само. Поотвисал в нем подольше. Хотелось смыть с себя что-то, хотя тело было чистое, но вот хотелось, и все тут. Вышел из кабины в тамбур. Пока оглядывался, пошел поток теплого воздуха — ну, это понятно нам, это жлобы экономят полотенца. Одежда лежит на полке — не ошибешься. Какой-то комбинезон, только без молнии. Влез в него. Безразмерный, скажу вам, комбез — можно кого угодно в него засунуть. Ан нет, тот начал сам подгоняться по фигуре. Секунд двадцать-тридцать подстраивался. Я осмотрел себя — нет, так дело не пойдет. Это девчонкам хорошо плотно сидящее по фигуре, нам такого не надо. Как же исправить? Нашел непонятные то ли шевроны, то ли значки. Взялся за них потрогать, и оп-па — комбез стал менять форму. Отпустил. Ну, вроде лучше. Зеркала нет, но вроде пойдет.

С доктором мы проговорили около получаса. Он высоко отозвался о моей выдержке и эмоциональной стойкости. Оказывается, и истерик он насмотрелся, и как народ тупит по-черному. И требований наслушался, и дурацких вопросов, особенно его возмущало, что народ считал, что если повторить вопрос раз десять, то обязательно все станет понятней и изменится в лучшую для них сторону. Меня он хвалил и относил все к моему высокому интеллекту и эмоциональной стойкости. Не стал его расстраивать, что до сих пор просто жутко туплю и с трудом вообще осознаю, кто я и где. Мне популярно объяснили, что знание языка мне залили с помощью капсулы и посредством гипнопрограммы в голову — стала понятна неправильность, что так напрягала в самом начале. Пояснили, что есть плохие работоторговцы, у них за спиной всегда стоит государство, в котором рабство официально признано и одобряемо. Что наемники они вроде как хорошие, но могут и довести перехваченный груз до точки назначения и там продать. То ли нам попался ненавидящий рабство капитан (таких хватало, особенно среди тех, кто в рабах побывал и вернулся), или, что более вероятно, они просто не представляли стоимость высокоинтеллектуального груза и, дабы не морочит себе голову и не забивать трюм, просто скинули на ближайшую базу. Так что можно радоваться и горевать одновременно. Колония только называется колонией, но никто не собирается вкладывать в колонизацию этой планеты большие деньги: планета во фронтире — слишком высок риск, что ее кто-то тупо отожмет себе. (Мысль хорошая, надо запомнить — отжать себе планету, хе.) А вот ресурсы на планете — дорогие. И дабы не платить лишние налоги, корпорация заявила, что колонизирует планету, а на самом деле выкачивает с нее дорогие ресурсы растительного и животного происхождения. В этом мы и

будем помогать ей в меру сил и возможностей. Нам будут продавать всякий хлам, что нигде больше не продашь, по ценам, за которые можно купить в сто раз лучше и новее. Здравствуй, долговое рабство. И да, сбежать с планеты не получится — не на чем, ну разве что сам построишь и прорвешь кольцо обороны. Платить нам будут по выработке и по фиксированным ценам, которые по странному стечению обстоятельств в разы меньше, чем на других планетах — поставщиках подобных ресурсов.

Фронтир — как Дикий Запад, только больше стреляют. Содружество — типа стран НАТО при США: все за демократию и права человека на словах и полная зависимость от главных демократов на деле. Короче, жопа. Жить мне, естественно, здесь. Пособий тут нет. Медицинское обслуживание нормальное только на базе, а на него еще заработать надо — бесплатно тут не лечат. Смертность высокая. Шанса выбраться отсюда практически нет. Ну, если только не отобьют пираты планетку, но тогда, скорее всего, здравствуй, рабство полное. Ага. Еще рабам ставят рабскую нейросеть. Что это такое? Ну, типа чип в башке, который помогает с оборудованием ладить и учиться. Все завязано на нее. У нас ее нет, учиться не сможем. Нейросеть нам продадут, если захотим и накопим денег. Раза так в три-четыре больше, чем она стоит, и поставят какую-то б/у скорее всего.

Еще немного вкратце обсудили с доктором местные дела, и я попросил меня задержать на недельку тут — вроде как лечение не закончено. Хрен с ним, что зачислят еще тысяч пять кредитов — у меня все равно нет денег, и непонятно, заработаю ли я их, а выходить в мир без знаний... глупо как-то, а так хоть что-то да узнаю и в себя приду, а то еще тормознутость какая-то есть. В таком состоянии выходить в дикий мир, где высокая смертность — это подтвердить статистику.

Меня зовут Алексей. Мне тридцать восемь лет, разведен, детей нет. Работу не нашел, так как сдымил с неньки Украины в Россию. По национальности русский, по мировоззрению тоже. За что получил по кумполу и обширное кровоизлияние в мозг, как результат — потратил все деньги на лечение. За полгода, что лечился — потерял еще и восемьдесят процентов клиентов. В России не трудоустроился по ряду причин, особенно потому, что привык быть начальником IT-отдела, и идти на низовые должности не хотел. На средние или профессиональные не прохожу по причине того, что утратил узкую направленность и знаю все понемногу. Как-то так. На собеседование пришел, заполнил какой-то дурацкий тест на время, потом поговорил с мужиком, но мутный он какой-то, и я сказал: «Спасибо, я подумаю», — и намылился на выход. Очнулся в капсуле. Ну, можно сказать, нашел работу. Искал же — искал. Хотел — хотел. Ну, а что немного не там и не так, но ведь осуществилось же. Надо точнее оформлять заявки к богу, ну или к демону. Короче, нечего раскисать.

Капсула криозаморозки была повреждена, из нее меня вытащили и перетащили в медицинскую капсулу на легком крейсере наемников. Вот отчего эти незабываемые ощущения — ну откуда у захудалых наемников хорошая медицинская капсула и врач соответствующей компетенции? На эти деньги эсминец можно купить (старый и требующий ремонта, но ведь можно). И долечивали меня уже тут. Док вытаскивал и матерился на недоучек, из-за которых простой случай стал резко сложным. Но вытащил, похвастался, что процесс лечения и мое состояние записал на нейросеть и собирается его отослать куда-то там высоким дядям. Может, денег получит, может, контракт, может, просто подарят плюшку какую-то. Сам не знает, но я у него, вышло, случай интересный.

За лечение я должен корпорации, она же меня благодетельствует набором долбаебачки на планете: винтовка, нож, одежда, обувь и пайки на пять дней. Все взятое со склада

долгохрана, потому что все равно по срокам уже выкидывать. Нам их продадут как новые и современные образцы. Ну, по такой цене. Планета дикая. Живность враждебная и прожорливая. Выкинут на какой-то местной базе, откуда могу идти на все стороны или, что умнее, осесть в поселении, коих на планете много. Одиночки долго не живут, подольше держатся группы и поселения, еще дольше те, кто на базе на поверхности планеты, но не факт, что и они доживут до своих положенных трехсот лет.

Да, именно трехсот лет — у кого есть нейросеть и деньги на процедуры омоложения, либо на биокоррекцию, живут столько. Примерно столько. Нейросеть — это не просто чип, это комп по мощности как дорогостоящий сервер у нас. Даже как кластер серверов у нас. И да, это просто устройство, которое следит за организмом и помогает взаимодействовать с внешней средой — так, по крайней мере, мне док сказал. Без нейросети ты никто и никому не нужен. Вообще. От слова совсем. И еще. Без нее невозможно ничем управлять — просто нет органов ручного управления. Вернее, есть, они как бы аварийные, и много на них не сделаешь, но просто само оборудование не включится и тебе ничего не даст делать. И это без того, что надо еще иметь и действующий сертификат, чтобы это самое оборудование тебе разрешило им управлять. Чтобы получить его, нужны базы знаний, которые изучаются посредством нейросети, и заключение о имеющейся практике. Короче, сложно, но нужно. Особенно если деваться некуда. Вот только никто мне нейросеть не поставит — у меня и так уже превышение кредита в два раза, а нейросети в кредит тут не продают, как и базы знаний. Вот это я и выяснил за те дни, что провел на орбитальной базе у дока.

— Док. Я понимаю, нейросеть мне пока не светит, хотя ты все-таки подумай, может, есть вторичная какая-то, вернее не какая-то, а хорошая, а еще лучше очень хорошая. Базы знаний опять же надо.

— Нету. Вернее, есть, но в долг я не дам тебе. Сетка есть лично моя, даже несколько — я у наемников выкупил, но там я заплатил деньги сразу, и ты так же можешь купить. Так тебе дешевле будет, чем через компанию, но вот незадача — платить нечем.

— Док, но ведь жалко же тебе должно быть свою работу, да еще с интеллектом двести семь, выпускать как мясо обычное с интеллектом еле до восьмидесяти-девяноста дотягивающим.

— Мне и жалко. Я вот и помог тебе. И время уделил, и вытащил с того света. Ты мне и так должен.

— Должен. Я ж не спорю. Но надо что-то придумать. Мне знания нужны очень сильно, а без тебя никак.

— Базы есть, но вот толку тебе от них не будет.

— Слушай, док. В самом начале ты же залил мне знания языка, и без всякой сетки.

— Ты не путай гипнопрограмму и базы знаний. База — это то, что ты выучишь все как есть. А гипнопрограмма просто устанавливает цепочки связей с твоим мозгом — если чего нет, то просто выветрится из головы.

— Ну и что. Устанавливает же новые цепочки связей. А значит, такие простые базы, как рукопашный бой, владение оружием, вполне можно поставить. Ведь это мышечная память плюс мозг, вернее база данных мозга. Это же тупо скрипты, то есть должно создать новые цепочки связей на движение рукой в челюсть и на наведение и выстрел в цель. К тому же понятия не только теоретические, но и практические.

— У меня нет специального оборудования для снятия гипнопрограмм. К тому же если знания слишком сложные, то твой мозг просто не справится и сгорит. Будешь овощем. Хотя

интеллект у тебя высокий, по меркам Содружества, но все равно опасность велика.

— Док. Я понимаю, что такое шина передачи данных и мощность обработки их процессором, да и запись их на носитель тоже ясна. Давай просто проанализируем ситуацию. Чисто теоретически. Смотри. Задача. Дано: известна скорость изучения базы «язык» разумным с заданным интеллектом, допустим десантником. Они же чаще всего идут с окраинных миров при низком интеллекте — точно должны быть данные. Дальше, есть базы рукопашки, которые учатся ими же за определенное время. Получаем классическое уравнение, в котором есть одна неизвестная — мое время обучения той же базе, и известно время изучения языковой базы. Приравниваем стороны и вычисляем, сколько мне учить рукопашку десантника. Так вероятность, что мозг сторит, меньше. Плюс грузить мозг строго по тому времени, что я учил базу языка. Он же не сторел тогда. Ну, и разбить все на этапы и заливать с промежутками, чтобы я в себя пришел и не двинулся.

— Хм, с такой стороны я не рассматривал, да и в капсуле будешь находиться, она присмотрит за тобой, и можно тормознуть процесс, если что. Но все равно сложно, и не делает никто так.

— Ну вот. Ты подумай. А то, что не делает, так это просто, может, потому, что не так удобно, как со специальным оборудованием. Подумай все-таки.

И док подумал. Ему понравилась идея провести научный эксперимент с абсолютным добровольцем, в центральных мирах такое не провернешь, а вот результаты можно и продать, если они удачные, но и неудачный эксперимент тоже даст пищу для размышлений. Короче, мысль дока захватила. Понимал ли я, что рискую? Еще как. Очко не разжималось ни на секунду. Но страшно, а что делать? Навыки драки у меня, скажем так, на низком уровне, а что может быть на дикой планете, я не знаю, вернее догадываюсь, и драки там более чем вероятны. К тому же док не маньяк, и правила техники безопасности в него вбиты твердо. Тверже гранита. Он сам, даже не подозревая об этом, сделает все, чтобы прошло удачно. Сложно. Страшно. Но выбора нет. Не рискнуть с девяностопроцентной вероятностью сдохнуть на планете без подготовки, или тут с вероятностью пятьдесят процентов — разница ощутимая. Для меня. И еще я чувствовал, что после высадки на планету у меня получатся все сто процентов. Просто чуйка, но своей интуиции я верил. В этом случае она предсказывала однозначный результат. А вот насчет заливки знаний интуиция молчала. Так что надо рисковать.

На следующий день док затащил меня в капсулу для снятия более точных параметров и еще подлечил мой организм, реально я уже чувствовал себя лет на двадцать пять. Гормоны бурлили. Все это ерунда, что рассказывают про опыт и тому подобное — гормоны просили тело действовать. Опыт прожитых лет остался, но вот гормональный баланс давал себя знать. Не так все просто с этим омоложением — невозможно оставаться полностью прежним, если ты сам хочешь действовать. Так что меня уже тянуло что-то отчебучить, но я сдерживался и выполнял все команды дока.

Промучив пять часов, док выгнал меня спать и отдыхать. Никакой нагрузки на мозг. Завтра все свершится!

Донором знаний стал начальник абордажников — сержант Кирт. На это я и рассчитывал. Спросил, что заливать — сказал, по максимуму. У дока улучшилось настроение, такое впечатление, что станет как профессор Нимнул из мультика — сумасшедший ученый. Называть его так я воздержался, хотя на языке вертелось постоянно.

На следующий день меня притащили не в медкапсулу, что стала привычной, а в

тренажерную. Медкапсула для сержанта стояла рядом — техники уже подсуетились и перенесли. Док с важным видом глубоко озабоченного эксперта давал наставления всем, кто попадался под руку. Сержант Кирт усмехался, техники матерились, но подключали еще какое-то оборудование — соединение будет через искин, в капсуле стоит тоже искин, но медицинский, и у тренажера есть тоже свой искин. Теорию схемы процесса я не понял, хоть сам ее и выдвинул. Мою теорию разнесли в пух и прах, построили другую, взяв за основу идею. Рядом нарисовался местный хакер, что-то объяснял доку про то, что искин тренажера может еще залить и свою программу обучения, а этого допускать нельзя. Короче, я ни фига не понимал и стоял с умным видом абсолютно уверенного и спокойного человека, который, так и быть, решил посмотреть и выслушать своих подчиненных. В общем, налепил на морду выражение начальствующего лица при подчиненных. Как ни странно, но меня стали спрашивать и отчитываться. Видимо, рефлекс он и в Африке рефлекс. Я с умным видом заявил, чтобы без частных, только главное. Поток сократился. И я с тем же умняком проинформировал дока, что ему надо по окончательному подключению вхолостую прогнать схему, дабы вылезли накладки и ляпы. Самое удивительное, док мое пожелание выполнил, и таки нашли пару стремных моментов. Еще час, и я в капсуле. Готовность. Поехали.

Боль. Образы постоянно мешаются в голове, никак не удается их осознать, и от этого голова все сильнее и сильнее болит. Нет, не голова, мое сознание. Как же больно!

Пытаюсь сосредоточиться, что-то получается, что-то нет. Боль усиливается.

Невыносимая боль, у которой нет конца. Пытаюсь расслабиться полностью: раз так много образов и сознание не справляется, надо либо расширять сознание, чтобы все охватить, либо свернуть его, чтобы образы проходили мимо.

Пока стараюсь выбрать, что делать, боль еще усиливается, хотя, казалось бы, куда еще! Упираюсь, как осел, и пытаюсь снова и снова. Неожиданно получаются оба варианта. Боли нет. Мое сознание свернулось, но в то же время впитывает все образы.

Какое-то время отстраненно наблюдаю за процессом. Неожиданно хочу большего. Желания тут имеют свойство прямо влиять на события — скорость образов возрастает. Пытаюсь их впитывать, но часть теряется — не успеваю. Осматриваюсь. Странно, вокруг я, но я в точке и везде вокруг. Но сознание не занимает всего «я». Удивительно. Пытаюсь впитывать знания всем окружающим «я». Получается. Скорость образов еще возрастает.

В определенный момент все мельтешение заканчивается, но я чувствую — есть еще знания. Тянусь к ним и тащу к себе. Сопротивляются. Не идут.

Моя воля из металла. Я сын богов, которые своим словом прогибали мироздание под себя. Дай! Никаких сомнений, никаких мыслей. Только требование дать мне знания. Все получается. Сначала медленно, потом стремительней поток увеличивается. Нет, уже не поток — лавина. Впитываю на пределе. Снова появилась боль, она усиливается.

Я вывожу боль на периферию сознания. Она есть, но не должна мешать. Получилось. Лавина впитывается в меня. Проходит время. Не знаю, сколько. Тут нет часов. Тут каждый миг — час, и наоборот. Вдруг в душе поселяется тревога. Что-то идет не так. Чему-то очень важному во мне становится все хуже. Чему? Я здесь, и мне вполне нормально. Нет, еще хуже. Тело!!! Мое тело не справляется. Надо прекращать.

Даю команду плавно прекратить заливку. Медленно уменьшается поток, и вот он закончился.

Какое-то время вишу и пытаюсь охватить все, что взял и что стало моей частью. Сознание теперь занимает почти все мое я. Начинаю чувствовать свое тело. Чувствую и то,

что впитал в себя. Тревога нарастает. Знаю — тело устало, надо выходить в обычный мир. Что взял, то мое. Надо жить. Глубина, глубина, я не твой! Выход. Тьма.

Очнулся я с привычно раскалывающейся головой в медицинской капсуле. Что-то непривычное было во мне. Вылез из капсулы и осмотрел себя. Я изменился. Не кардинально, но существенно. Весь накопленный жирок пропал. Мышцы рельефнее, и их стало больше. Я бы сказал, сухие мышцы, да еще такое ощущение, что это не жилы какие-то, даже странно. Не как у качков, нет. Они не очень сильно выросли в объеме — раза в два, ну может в три, но вот силу в теле я ощущал. Непривычную силу.

— Очнулся, разоритель.

— Я тебя тоже рад видеть, док.

Док смотрел на меня с опаской какой-то. Странно, чего ему меня опасаться? Все прошло удачно. Даже более чем. Я это знал.

— Ну что, док, надо бы проверить еще, как усвоились навыки. Но в целом вроде они есть.

— Есть, есть. Мне искин уже отчитался, что у тебя изменилась моторика движений, значит, что-то ты изучил. Вот только что?

— Как что? Что ты дал, то я и взял.

— Хм. Звучит логично, вот только не совсем так.

— Рассказывай.

— Вначале скорость передачи данных шла по расчетной схеме, но капсула тренажерная выжрала весь картридж за двадцать минут. Это расширенная редкая модель, она может не только диагностировать, но и позволяет наращивать мышечную массу и тренировать связки одновременно с изучением баз. Поэтому они комплектуются картриджами. Но это не медицинская капсула, сам понимаешь, другие цели. Это было странно — один картридж рассчитывали на весь сеанс, а тут такое... но останавливать и прерывать процесс нельзя — я это как медик знал, поэтому капсулу догрузили. Но это все мелочь, как оказалось, потом ты стал потреблять картриджи с разными интервалами. Затем стабилизировалось все, капсула с сержантом открылась, и он вылез. Но у тебя процесс закачки не завершился. Каким-то образом ты стал закачивать базу самой капсулы. А это девятый ранг — как рукопашника, так и абордажника, да и еще по нескольким родственным областям шестой ранг баз. Сколько ты их украл у капсулы, непонятно, но картриджи меняли каждую минуту. И вот скажи теперь, что ты не знал, что так не будет! Ты слишком спокойно предложил идею и руководить начал перед заливкой. Ты точно знал. Видимо, хотел проконтролировать, чтобы мы допустили какую-то ошибку, и ты смог скачать и из капсулы знания. И по картриджам мне вышло на восемь тысяч по себестоимости, а ведь я сдуру под протокол согласился взять все расходы на себя, с тебя только согласие на эксперимент. И в результате кто из нас ставил эксперимент и кто переживал? Я тебе скажу кто: переживал я, а экспериментировал ты, причем абсолютно точно зная результат. Иначе бы не был таким спокойным. Когда руководство узнало об инциденте, не поверили, что ты сам на такое согласился. Значит, знал!

— Док, не расстраивайся ты так из-за денег. Ты же писал все под протокол! Результаты перешлешь, куда ты там хотел что-то пересылать. Вот увидишь, плюшки будут. — О как дока плющит, аж покраснелся, спорить глупо, да и в себя прийти еще нужно — пусть думает, что хочет.

— Не буду я никуда ничего слать, мне никто не поверит. Слишком невероятно.

— Но теорию передачи данных напрямую ты проверил, просто проведешь работу над

ошибками, и все. Отобьешь ты эти деньги. И не знал я, что будет так. Знал бы, как больно, не согласился бы. На грани смерти был несколько раз.

— Знаю, капсула давала отчет, она не справлялась. Уму непостижимо, как ты выжил.

— Капсула недостаточна для такой передачи, тут другая нужна, но вот то, что она должна быть тренажерной — факт. Как бы только ее скрестить с медицинской... и скорость передачи данных для среднего пользователя надо снизить в два раза. И все будет пучком.

— Хм, ты точно это знаешь?

— Теперь точно.

— Идея интересная, надо подумать. А как усвоились данные?

— Откуда я знаю? Надо искать сержанта и проверять.

— Так чего мы ждем?

— А ждем мы того, кто меня покормит. Док, ты не поверишь, как я голоден.

Док жизнерадостно заржал, и мы пошли есть. По торжественному случаю пошли в столовую, а не, как обычно, к армейскому пайку и моей клетушке. Я смел три порции, и только тогда понял, что вроде как есть пока не хочу.

Связались с сержантом и пошли в тренажерный зал — там была площадка для спаррингов. Сержант на меня поглядывал с явным интересом, но молчал. Собрались зрители. Уму непостижимо: никому ничего не говорили, а народ подтягивается. Первый раунд. Кирт резко ускоряется и бьет в печень, едва успеваю уклониться — какое там перехватить, скорость просто невероятная! Бью его, пока он не разорвал дистанцию. Он уклоняется, но полностью не успевает и получает мой подарок. Разрывает дистанцию, но уже не так стремительно, я пытаюсь не отпустить его далеко, пробиваю ему в челюсть и... ловлю звездочки на полу. Фокусирую взгляд. А сержанта-то я тоже достал, вон, тоже сел на сраку. Но очухивается быстрее меня, и намного. Встаю, мне дают прийти в себя и собраться. Продолжаем. Какое-то время танцуем друг вокруг друга, потом сокращаем дистанцию, причем оба сразу, и обмениваемся ударами. Ндааа, не стал я великим рукопашником. Сержант с бланом, с красным ухом и ловит воздух — в солнечное сплетение я все-таки напоследок зарядил ему. А вот я... Рука, судя по всему, сломана, сильно болят ребра, и из носа хлещет кровь. В башке стучат барабаны и шумит прибор. А ведь выучил не только его базы... Не помогло. Но уже на другом уровне владения своим телом чувствую, что мне не хватает скорости, больше просто я не могу выжать из своего организма, и так связки все потянул. Встаю. Результат плачевный — меня качает. В реальной схватке я был бы уже мертв. То, что капсула тренировала и подгоняла мое тело под изученные базы, мне помогло, но вот явно этого против сержанта недостаточно. Обидно — крутым не стал, а так хотелось.

— Док, будь человеком, пусти в медкапсулу снова.

Пока док ищет слова, чтобы мне ответить, и всю накапливает воздух в легких, подходит сержант.

— Док, меня тоже туда пусти, что-то у меня здоровье резко пошатнулось.

Док выдыхает. Молча и зло смотрит на нас обоих. Народ всю веселится и комментирует.

— Док, я оплачу капсулу, нам обоим оплачу, будь человеком.

Док резко успокаивается и тащит нас за собой. Зрители провожают шумным гомоном и спорами, кто кому должен денег по ставкам.

— Парень, у тебя какие имплантаты стоят?

— Нет у него имплантатов. И нейросети нет. Дикий он, — это уже док поясняет.

— Док, ты говори, да не заговаривайся. Я с такими же имплантатами рядовых, но с базами четвертого уровня кладу с удара. Они вообще не понимают, как на полу оказались. Про обычных людей молчу уже. А он еще мне навесить успел. И стиль не мой. Нет, не так: чувствуется, что на одном все основано, но немного не такие движения — не так бьет. Моторика другая, на этом меня и ловил, так бы меньше отхватил я. Но то, что отхватил бы, это факт. Так что не морочь мне голову, говорю. Без усиления скорости реакции и мышечных имплантатов он бы и не попал в меня ни разу.

— Кирт, придем в медицинский отсек, сам посмотришь. Нет у него ничего. Совсем нет. А вот почему у него движения другие, мне тоже интересно.

— Док, так я без сетки качал базы. А ты сам говорил, что гипнопрограммы только связывают то, что есть, а не дают понятия. Вот у меня и получилось так. Приспособились знания к тому, что есть, а не создавали новое. Мы же обсуждали это. И знаешь, что я думаю? Такой метод позволяет максимально адаптировать обучение под конкретного человека. Это касается боевых искусств. Не перерабатывает его тело и наращивает четко по шаблону, а приспособливает и состыковывает. Такой способ эффективнее в целом, быстрее, но опаснее и дороже.

Док ничего не сказал, и сержант тоже. Только шли молча и бросали на меня задумчивые взгляды.

И уже когда я ложился в капсулу, услышал, как пробурчал док:

— А ведь планета у них очень интересная, метод обучения дороже, но все с высоким интеллектом и быстро адаптируются. Интересная планета. Но какие дикари — так не ценить жизнь!

И крышка капсулы в который раз опустилась.

После капсулы меня отправили в каюту, и там я, не мудрствуя лукаво, завалился спать. Хоть и чувствовал себя прекрасно, но морально вымотался, и мозг требовал отдыха и покоя. Кто я такой, чтобы отказывать себе любимому? Вот и не отказал.

Утром разбудил меня какой-то тип объявлением, что пора на планету — отрабатывать и так огромный долг корпорации. На вопрос, почему долг корпорации, а отрабатывать должен именно я, а не сама корпорация, он не нашелся сразу, что ответить, и глупо хлопал глазами. Тяжко вздохнув, я обозвал его пособником империалистов и уведомил, что таковых в семнадцатом году мы расстреливали пачками — он сильно рискует вляпаться в подобное с таким отношением к разумным. Потребовал отвести в столовую и нанести урон проклятым эксплуататорам трудового народа в виде поедания чего-то съестного, иначе сломаю ему шею и скажу, что так и было. И честно, как мне представлялось, невинно посмотрел ему в глаза. Тип молча их отвел, заказал мне блюда из местного шедевра общепита и ждал, пока я наемся. При этом очень странно и немного с опасением поглядывал на меня.

Народ в столовой был, и на меня откровенно глазели, что-то обсуждали. Доев, я встал и заявил про готовность к труду и обороне.

— Веди уже меня, куда собирался, немертвый малоразумный, — заявил я самым наглым образом, чуток рисуясь перед публикой. А что? Я человек, и мне не чуждо желание выпендриться, тем более все пялятся. Так чего бы не подкинуть дровишек в костер? Да и гормоны бурлили, чего греха таить.

— Чего это я немертвый малоразумный?

— Ну, а кто же ты? Немертвый — так как все еще жив, несмотря на твою низкую разумность. Ну, а то, что малоразумный — это и ежу понятно: ты ж сам, по собственной

воле пошел работать на империалистов. Я ж тебе сказал, что именно ты на них работать и закончишь — потому как где-то погибнешь. Особенно если будешь и дальше меня раздражать неприятием основ фундаментальных истин. Веди давай.

Дотопали до какого-то типа в кабинете, там записался в базе данных под именем Ал Рос. Ал — потому что Алексей я, но имя мое тут так коверкали все кому не лень, что я сам его быстро сократил — во избежание. Фамилия никак нормально не хотела сокращаться, и записал, что первое в голову пришло. Сначала хотел Рус, но как-то у меня это неправильно ассоциировалось с цветом волос. Переименовал в Рос.

Ну, а что? Я русский, для иностранцев пойдет фамилией название народа. А уточнять род и отчество по батюшке — это уже для своих. Получил браслет, который является привязкой к счету, органайзером и базой данных. Получил напутствие не сдохнуть на планете в первые часы, а то всех разочарую, и поводырь, которого я именовал постоянно то мертвым, то малоразумным, повел меня к боту.

Хм, это, оказывается, бот. Чем-то на «Буран» похож наш — я видел тот как-то живую на выставке, — но крупнее. Насколько крупнее, понять я не мог, так как помнил «Буран» смутно. Но, блин, большой, однако! Около бота стоял док. Странно, даже не ожидал его тут увидеть. О, вон и сержант с парой человек и каким-то баулом быстро идет сюда же. Даже как-то неожиданно.

— Привет, док. Не поверишь, но я рад тебя видеть!

— Привет, Ал. Я тоже, хоть и жаль, что тебя скинут на планету.

— Конечно, жаль, — наябедничал на него подошедший сержант. — Ему помощник нужен в медсекции, а добровольцев сюда ехать нет. А тут ты, да еще, оказывается, с огромным интеллектом! Я как узнал, даже не поверил — что ты у нас в дыре забыл?

— Ал, я ходил к руководству. Никак не получится тебя на базе оставить, вообще никак. Вас фактически выкупили у наемников. Ехать сюда желающих колонистов нет — очень высокая смертность и отсутствует шанс разбогатеть, а заключенных не отправят — для них свои планеты есть, и никто в здравом уме не отправит их во фронт. И светить перед руководством корпорации, откуда люди взялись, никто не хочет — ведь официально вас и нет тут, а если заявить, то сюда приедет проверка, и начнут копать, а прятать тут есть что и кому.

— Да я понял, док. Кто ж сам на себя проверку-то приведет, не идиоты же они.

— Ал, мы тут с парнями кое-что тебе собрали. Нам не жалко, но тебе поможет. Все по мелочи, но ты оценишь.

Фигасе, а вот этот бонус резко повышает мои шансы, не думаю, что сержант абордажного десанта собрал мне что-то ненужное — он мужик битый жизнью. Даже его ненужное может для меня быть тем, что не достать. И это никак не связано с деньгами.

— Кирт, я даже не знаю, что сказать и как отблагодарить. Не умею прощаться совсем, но надеюсь, еще свидимся.

Расстались как-то скомканно. Док явно не находил себе места, а сержант — он и по жизни сержант — отдал честь по-ихнему и хлопнул по плечу. Подхватил я сумку и вбежал в бот, аппарат стала подниматься. Глянул еще раз на этих вроде посторонних людей, но чем-то уже ставших близкими, и повторил им отдачу чести древних воинов — кулак к сердцу. К пустой голове руку не прикладывают, это у меня уже в подкорке сидит, хоть и не военный — я просто не смог себя заставить нарушить устав, который сам по себе усвоился из-за отца-военного. Все, в кресло, зафиксироваться. Ага, оно само фиксирует, ну тем проще. Есть,

полетели — окон нет, дисплеев нет. Изображений нет. Ну, и хрен с ним. И так долечу.

Наземная база встретила меня ночью, мелким дождем и духотой. Как это сочеталось, я не понимаю, но факт. Выпроводили меня с бота, указав направление: там дом, на нем написано «Администрация», дескать, разберусь. Ни фига не ясно — и где этот дом, и что в нем искать, но поперся. Дом нашел. Администрацию нет. Вообще никого не нашел. Нашел другой дом — гостиница и бар в одном лице. Двадцать местных кредов пожрать, сто поспать.

Сто местных кредов равны одному кредиту Содружества. Супер просто. Денег у меня нет, благотворительностью тут не занимаются. Спросил, кого можно безнаказанно и быстро убить, чтобы деньги появились на прожиточный минимум. Видимо, в хохму мне показали на здорового типа, что-то поедающего за столиком. Подошел. Поздоровался, сказал, что хозяин этого гадючника готов заплатить тысячу местных кредов за его жизнь. Предложил перекупить ее владельцу. Говорил громко, меня услышал не только этот тип, но и посетители.

Воцарилась тишина. Тип зло посмотрел на хозяина, а потом без замаха резко выбросил руку. Удар был смертельный, я это понял сразу. Руку перехватил, дернул на себя и врезал от души типу в ухо — он поплыл. Руку на болевой захват. Еще раз спросил, будет ли он платить, а то я жрать и спать хочу — с орбиты меня подняли не выспавшимся. На удивление браслет звякнул. Осторожно отпустил типа, отодвинулся на всякий случай и нажал на кнопку счета на браслете. Хм, а боров скинул мне десять штук местных тугриков. Нет, лишнего мне не надо, отправил обратно девять из них.

Тип, смотревший на меня зло, поменял выражение на удивление, смешанное со злостью. Пояснил ему, что мне только пожрать и выспаться надо, а потом я куда-нибудь отсюда слиняю. И попросил, пока я не закончил тут дела, заказавшего его мудака не убивать — надолго я не задержусь, а ночевать на улице неохота. Потом — пожалуйста. Вернулся к стойке, потребовал пожрать и номер. И когда чудак этот на букву «м» организовывал мне еду, поинтересовался у него, так ли он уверен, что его никто не закажет.

Взял еду и ключ от номера и пошел в уголок тихо спокойно посидеть. Не успел толком доесть, нарисовался тот здоровый тип, которого заказывали.

— Я Сторм. Бывший наемник. Абордажник. Здесь потому, что крупно влип. Ты — спецура. Это видно, но вот какого лешего тут забыл и зачем так сразу обозначился, мне непонятно. И очень странно ты знакомишься, на мой неискушенный взгляд. Даже у пиратов так не принято. Так что ты тут делаешь, и что тебе от меня надо?

— Знакомлюсь так потому, что день не задался. Денег нет в наличии — только прибыл, ничего не знаю. Жилье надо, оглядеться, есть тоже надо. Взять было негде. Спросил у жирного борова, как решить вопрос. Он предложил, я принял.

— Он думал, что пошутил. Не отдал бы он тебе деньги.

— Отдал бы, еще и занял бы, чтобы отдать все.

— Ты оказался бы вне закона.

— А тут есть закон? Интересно, расскажи подробнее, что тут и как.

— Ты не представился.

— Ал Рос.

Я блефовал с самого начала, никого я не собирался убивать. Но вот Сторм отреагировал быстро и по-своему. Я-то думал чуть развести тему да и под нее выдурить себе и еду, и

ночлег. Кто ж знал! Но не идти же на попятную. Тут не поймут метаний души и сдачи позиций. Это было ясно по лицам сидевших в баре. Выражения другие у них. Не такие, как на базе, где есть закон и порядок, и тем более не такие, как у меня на родине. Какой вообще может быть с тобой разговор, если ты слаб и никто? Правильно — никакой. Поржут да попинают, и на этом всё. Никакой жалости и сострадания тут не будет. Вот и сижу сейчас с умным видом, а сам лихорадочно думаю, во что я влип.

— Сторм Фаг. И что забыл спецура в этой дыре?

— Я не спецура. Так, кое-что умею, но не спецура. А на планете я оказался, как и вся последняя партия переселенцев. Сами не знали, что мы переселенцы, но вот все здесь.

— Угу, про новеньких слышал. Умных много, и, на удивление, даже имеют некоторые представление о жизни на природе. Но вот знающих там нет. Ты другой и пришел не с ними.

— То, что я другой, я знаю. И не с ними тоже потому, что другой, и все это время проторчал на космической базе по той же причине. Но вытаскивать меня отсюда некому, а вот поднимать волну про купленную партию разумных и назначенную переселенцами, местное начальство явно не хочет. Вывод прост — нас здесь и оставят и забудут в любом случае.

— Но убив меня, ты становился вне закона.

— Как ты себе представляешь новичка, ночующего на улице под дождем и без вещей?

— Маложивущим. Стоп, тебе не дали набор новичка?

— Нет.

— А в сумке что тогда?

— На базе мужики помогли, чем могли. Еще не смотрел, что там. Но смотреть надо в спокойной обстановке, а не под дождем.

— Правильно, дольше проживешь.

— Чем опасен дождь? — Тут же наострил уши и внимательно всмотрелся в лицо Сторма. Битый жизнью мужик и очень непрост, явно непрост.

— Дождь ничем. После него просто резко холодает. При вещах это не проблема, а вот без них заболеешь. Лечить без денег тут некому. Да и за деньги мало что могут сделать. Капсулы второго поколения, да и врачи не блещут.

— Примерно так я себе и представлял. Правда, немного более оптимистично. Хотя как знать, как знать...

— Ты быстро меняешь темы разговора и не ответил ни на один мой вопрос.

— Заявление ложно. Я представился.

Сторм фыркнул. Встал из-за столика и пошел к бармену, где заказал бутылку спиртного и комнату. Когда выпивка была выдана, недолго думая, зарядил толстому в ухо. Борова снесло, как и не было тут. С бутылкой Сторм вернулся ко мне и вопросительно посмотрел.

— Сторм, ну мы же не малолетки какие из горла пить. Мы взрослые адекватные люди. Стаканы где?

— !..

Поднялся из-за столика и пошел к борову, только выбравшемуся из-под стойки и пытающемуся сфокусировать взгляд. И снова борова снесло, но уже в другую сторону. Народ одобрительно зашумел. Внимательно присмотревшись, я понял, что безоружных тут нет вообще. Но длинноствол в чехлах. А вот что-то типа пистолетов — у всех на виду. Ясно. У борова тоже был пистолет и, я так думаю, под стойкой тоже какой-то ствол, но самое удивительное, он к нему не полез, а стоически терпел подачи. Ну да, мужик пошутил —

оказалось, зря. Достать ствол — народ не поймет. Сторм в своем праве, но долго измываться ему тоже не дадут. Народ тут простой и незамысловатый.

— Сторм, а ты пить не будешь?

— Чего это? Буду, конечно.

— Тогда чего стакан один?

— !..

Он развернулся. Поддачи не последовало. Бармен метнулся в сторону и появился через мгновение со стаканом и еще одной бутылкой. Сторм кивнул ему. Видимо, это означало, что конфликт исчерпан. Я же говорил, что тут народ простой и незамысловатый!

Самое удивительное, голова утром не болела. Впрочем, мы и не напились со Стормом. Выпили понемногу, а потом больше говорили. Вернее, говорил Сторм, а я слушал. К нам подсели поближе некоторые посетители и тоже участвовали в подаче информации. По их словам, мы в аду. Все, что не ядовито, то съедобно. Но ядовито почти все. Все, что не ползает, то имеет зубы. У кого есть зубы, тот пытается вас съесть. Что мелкое и съесть вас не может, то обязательно укусит. Не то чтобы ядовитое было, но заражение получить реальнее некуда. Все, за что платят деньги — в джунглях. Без сывороток от разных ядов туда соваться вообще нечего, сыворотки стоят дорого и помогают не всегда. Есть области, где вообще ничего не исследовано и местное зверье никто не знает. Никто туда не суется. Сторм и все рядом в один голос заявляли, что какой бы я ни был спецурой, в джунглях мне каюк. Наставник нужен. Но никто не набивался. Желающих не было.

В конце подсел жирный боров — хозяин этого заведения. Последнюю бутылку раздавили на троих. По меркам России, выпили под закуску не так уж и много. Ну, слегка было опьянение, но не ушатались в хлам. Хозяина развезло. Сторм оказался с нейросетью, а она не дает скопытиться. Спросили меня про сеть. Показал на браслет — сети нет. Что не было, никто не поверит, поэтому согласился, что пираты сняли, а тут ставить нечего и не на что. Поругали пиратов. Все поругали, даже бывший пират за соседним столиком.

Когда рассказ сам собой стал сворачиваться, для меня подвели итог: это преддверие бездны, ну или ада по-нашему. Я потянулся, хрустнул костяшками и сказал, что мне это место нравится. Выпили на посошок и разошлись по своим делам. Я в койку спать, а кто продолжать пить и обсуждать ненормальных спецов, что пьют планетарку (угу, целых двадцать восемь градусов алкоголя) литрами и без всякой нейросетки, не пьянеют (ага, еще бы у нас такое рассказали кому под водочку). Короче, время провел с пользой.

Итак, пора провести ревизию того, что мне дал сержант. Раскрываем сумку, и что мы видим? Три упаковки с нательным бельем. Тааак. Ага, терморегулирующее белье — трусы, больше похожие на семейные, и футболка. Это хорошо, этого у меня нет как раз. Носки — десять пар. Зубной порошок, читаем: насыпать десять миллиграммов в емкость, залить водой и прополоскать этим рот. Пойдет. Легкий скаф БР-7. Ага, седьмого поколения, защита от игольника и ему подобного, усиление мышц, терморегуляция, но без шлема и явно юзанный. Как раз в тему. Фляга со встроенным фильтром — вот это вообще супер. Силовой нож — явный дешевый ширпотреб, но абордажный, то есть длина клинка тридцать сантиметров. Всё. Ну, так неплохо. Кибераптечка, вешается на скаф.

Тут я уверен — такое либо стоит больших, по местным меркам, денег, либо вообще не купишь. Надо будет отблагодарить дока с сержантом. Мои шансы не сдохнуть в первый же день резко растут. Переоделся, нацепил амуницию и вышел в зал — завтракать пора, однако. Ну и что, что уже время ближе к обеду, кого это волнует.

Как это ни удивительно, но в зале скучал Сторм. Видимо, он ждал меня уже давно, но вроде я с ним вчера ни о чем не договаривался. Но хуже не будет. Сторм и бармен оценили мой прикид, я явно вырос в их глазах. Немного, правда, но все равно.

— Давно медитируешь? — спросил я Сторма, плюхаясь рядом. Бармен — сама вежливость: кивнул мне и вопросительно уставился. — Мне пожрать чего-нибудь надо.

— Не вопрос. Сорок кредитов, и можешь есть вчерашнее рагу.

Вот же ж вредный человек, и не переделать его никак, видимо.

— Уболтал, только еще пить что-то надо, бодрящее, но без алкоголя и не наркоту.

— Еще сорок.

— Перевел.

Сторм молча наблюдал за нашим разговором, о чем-то задумавшись. Помахав у него перед глазами пятерней, я таки нарушил его концентрацию на внутреннем мире.

— Долго ждешь?

— Вообще-то нет. Я утром тебя ждал, но потом занялся своими делами. Сейчас забежал сюда — Бол сказал, что ты еще не выходил, — вот и решил подождать, пока время у меня есть. Что делать будешь?

— Оружие и амуницию тут дают в кредит?

— Дают всем новоприбывшим набор новичка. Можешь не брать, но его стоимость все равно включена в твой кредит.

— Нет уж, я возьму. Никакой пушки нет — будто голый сижу тут.

— Да уж, голый, — усмехнулся он. — Обвес на семьсот штук кредитов нацепил, и голый.

— Семьсот штук? Имеешь в виду, что это все стоит в Содружестве семь тысяч кредитов?

Сторм, я все понимаю, но....

— В Содружестве это стоит максимум тысячу кредитов, да и то вряд ли. Пятьсот-шестьсот, скорее всего. А вот здесь это стоит семь тысяч кредитов Содружества.

— Обалдеть. Я не просто в шоке, я просто в ауте.

— Тут все так стоит.

— Весело тут у вас, я посмотрю.

— Это еще что, тут все так стоит, кроме жизни.

— Как же вы тут живы-то еще, с такими ценами!

— Да вот так и живы. Все селения, что есть, охотой не занимаются — окопались и охраняют периметр. Стайками ходят в ближайшие луга и недалеко в лес — травку собирают да плоды, что ценятся. Много на этом не зарабатываешь, но меньше шанс умереть. А вот охотники снимают в селениях дома или строят сами. За дом платят каждому селению плату — тут как договоришься, но обычно пару трофеев отдают в цикл.

— И как помогает селениям периметр?

— Когда как, но время от времени селения исчезают. Вернее, постройки остаются, но людей там живых уже нет. Потом зарастают, тут это быстро. Еще есть банды, но они только по рекам передвигаются. Тут не поймешь, то ли торговец прибыл, то ли банда. Хотя, на мой взгляд, это одно и то же. Если могут ограбить — ограбят, а в следующем селении уже будет торговцем.

— О, это нам знакомо.

— Ну, вкратце все.

— Подскажи, что мне надо из экипировки? Ведь ты вчера выступал моим спонсором.

— Не хватит тебе на экипировку денег. Купи на голову что-то, а на остальное —

противоядий набор, и деньги кончатся.

— А оружие, насколько я помню, должен выдать какой-то человек из администрации.

— Пф, оружие! Винтовку даст тебе. Лазерную. А толку от нее тут? Стреляет медленно, батареи дорогие, выстрелов в батарее десять. Сама длинная — это в лесу-то с ней ходить. В поселениях они востребованы, а в лесу охотнику бесполезны.

— И чем же вооружаются охотники?

— Аварским ширпотребом. Он в Содружестве кредитов сто максимум стоит новый. Электромагнитный ускоритель зарядов. Заряды хоть сам на коленке делай, хоть покупай. Батареи дешевые и хватает на триста-пятьсот выстрелов. Скаф средний не пробьют, как винтовка, но для животины местной хватает, а если не хватает, то гранаты есть — как батареи стоят. Ну, а если совсем туго, то тут либо не повезло, либо ноги в руки и быстро сматывайся. Все просто и в разы дешевле. Аварские изделия дешевы здесь — во фронтире их навалом, производят уже все кому не лень.

— О, вот это дело, это по-нашему, только вот денег на аварский гений все равно у меня нет.

— Что сейчас делать будешь?

— Иду в администрацию, что еще делать!

— Я с тобой.

— Ну, пошли.

Администрация, как оказалось, находилась не за главным входом, а за боковым. Я вообще не видел, что он есть. В небольшом кабинете сидел мужик — явно уставший от местной жизни. Он без всякого интереса и смены интонации выдал мне талон на склад, первоначальные двести местных кредов на счет и памятку с законами и общим описанием планеты. Отдельно вручил небольшой талмуд со списком товаров, ценами и информацией, что из чего добывается, и самое главное — как добывается. Всё. На складе еще проще — я сунул электронный талон в приемник, и через полминуты дроид притащил все, что было в списке. Быстро, удобно, приятно. Вот бы у нас так было.

Винтовку я узнал. Еще бы не узнать — здоровая дура, полтора метра длины, двенадцать килограммов вес и прицельная дальность триста метров. Гордость империи Атаран — лет так четыреста назад. Боже, им же в музее место, а не на дикой планете!

Сторм явно наслаждался моим лицом — видимо, ради этой картины и пошел со мной.

— Многие выкидывают их сразу, хотя какой смысл выкидывать единственное свое оружие?

— Ну уж нет, этот музейный экспонат мне послужит. Раз включена в кредит, значит, буду пользоваться, но мягко говоря, я удивлен этим раритетом.

— Три батареи запасные у тебя есть, итого четыре батареи на сорок выстрелов, считай. Как раз один выход в лес.

— Так часто стрелять приходится?

— Нет, в лесу если и сделаешь, то выстрелов десять максимум.

— Почему же один выход тогда только, а не четыре?

— Потому что все запасные батареи разряжены — их заряжать надо, а ты тут видишь где-то зарядное устройство для этой модели батарей? Они же нестандарт — негде их тут зарядить.

— ...

— Я так понял, ты немного расстроился.

Сторм явно наслаждался — ну как же мало надо человеку для счастья! Бывший наемник был переполнен тем незатейливым чувством, которое возникает, когда кто-то оказывается в большем говне, чем ты.

— Сеть тут есть?

— Только внутренняя. Выход в галонет отсутствует.

— Мне надо техописание на эту древность.

— Зайди в администрацию к тому мужику, он тебе продаст от винтовки инструкцию.

— Нет, мне надо техописание, а не инструкция. Техописание — это для техников.

— Нет такого.

— А где есть техники?

— Ал, их уже задолбали этими винтовками, там сразу посылают далеко и надолго.

— Ладно, будем разбираться методом научного тыка.

— Ну-ну, дерзай, но не ты первый.

— Любой аккумулятор можно зарядить либо окончательно угробить. Жалеть нечего, так что попытаюсь на досуге, но как же нужно нормальное оружие!

— Тут обычно идут в селение и там не спеша копят на оружие. Если не погибнут в течение года, то на аварский шедевр, как правило, накапливают, а сразу в джунгли кто идет, обычно оттуда не возвращается.

— Это я еще вчера понял. Нужен опытный наставник и тренировочные выходы.

— И кто же с тобой будет возиться за просто так?

— Ты.

— Я давно уже не охотник, а местная живность и фауна постоянно меняются. Кто перестал ходить на охоту, потом в большинстве случаев гибнет в течение цикла. Я же пожить хочу.

— Ну, основы ты знаешь, вот им меня и натаскаешь.

— И что же мне за это будет?

— Многое. Большое человеческое спасибо.

Сторм даже не смеялся, он ржал, как дикий конь. Раньше я думал, что это образное сравнение, но какое там! Вот она правда жизни, такое не опишешь словами, такое только записывать и прокручивать.

— Уговорил, но ты поможешь в моих делах, а там посмотрим. Может, и сам не полезешь в лес — тут тоже неплохо кормят.

— Понимаешь, дружище, такое дело. Стоит мне где-то оказаться, как я узнаю, что в другом месте не только неплохо кормят, а временами даже замечательно кормят, а в то место приду — так кормят как везде или еще хуже. Заговор какой-то, но я буду искать все-таки, где лучше кормят.

Так под ржание наемника и мои прибаутки мы и дошли обратно в бар.

Вот уже семь циклов я работаю вместе со Стормом. Цикл — это не месяц и не год. Цикл — это смена сезона, когда ливни сменяются влажной жарой, или после жары приходят кратковременные, мелко морозящие дожди, с колебаниями температуры от плюс тридцати пяти до плюс десяти градусов. Термометров тут нет, так что все понятия о температуре у меня сугубо личные.

Сторм — охотник за головами. В лес далеко не углубляемся. Все дороги тут проходят по рекам. То есть реки и есть дороги. Я понимаю уже местных, что боятся леса. В джунглях я никогда не был, но по всем ощущениям, в земных джунглях безопаснее. Ядовитые растения,

ядовитые насекомые, ядовитые рептилии — и все это прекрасно прячется и маскируется. Крупных хищников нет, вернее нам не встречались. Сторм сказал, что на самом деле есть — местные волки и местные тигры. Вот только все крупные животные пси-активны, и встретить их значит умереть. Они знают о человеке заранее, могут заставить застыть или просто вскипятят мозги. За этих хищников премии такие, что можно сразу закрыть кредит большинству из поселенцев. Не в моем случае, но даже и для меня это было бы ощутимо. Из органов этих животных делают имплантаты. Пси-имплантаты. Очень дорогие, вот только никто не стремится добывать материал для них. Дураков нет — что ты сделаешь хищнику, если он тебя чувствует заранее, чувствует все твои действия и может, не показываясь на глаза, просто вскипятить тебе мозг? Но время от времени кто-то находил старых или раненых зверей и добывал. На вырученные деньги закрывал кредит, а если везло, то и покупал билет в другие миры.

На реках местные крокодилы. Из них тоже добывают сырье на имплантаты. Крокодилы имеют слабо развитое пси. Их бить легче, и есть шансы, но смертность на этом промысле очень велика.

В цикл ливней никто не охотится и не выходит из дома. В этот цикл реки выходят из берегов и затапливают округу. Крокодилы и змеи в это время наверняка думают, что в раю. Все остальное забивается поглубже от мерзкого дождя, что льет не переставая.

Охота за головами — прибыльный бизнес, но несколько опасный, впрочем, тут все опасно. Все просто: если реки — местные дороги, то всегда найдутся те, кто не против пограбить на этих артериях жизни. Из-за природных особенностей, банды тут небольшие — сложно прокормить много народу, да и джунгли не любят большое скопление разумных. Обычно человек пять-шесть. Если банда больше, то надо подождать, и их все равно станет пять-шесть. А такое количество уже реально уничтожить в одиночку — если умеешь скрадываться, читать следы и не боишься идти по джунглям. Банды боятся леса, и в джунглях они как слон в посудной лавке — и слышно издали, и маскироваться не умеют.

Уничтожать эти банды вдвоем несложно. Намного сложнее ходить по джунглям. Бой в них совсем не то, что в базах абордажник. Расстояния все «накоротке», но точно место не знаешь до последнего. Метров пять-шесть — это дистанция боя. Чаще рукопашного или ножевого — если успел достать нож. Гранаты — наше всё. Только ими можно более-менее безопасно ликвидировать засевшего бандита. Если решишь обойти его, то рискуешь нарваться на другого, которого еще не засек.

Больше всего времени я потратил на тренировки бросков гранат «с отскоком». Это когда граната, ударяясь о препятствие, отскакивает на место предположительной лежки противника. Идеальных условий броска тут не существует. Приходится бросать из любых положений. Отскакивать гранате тоже приходится от чего угодно, расположенного как угодно. Та еще задачка. Намучился сильно, мне даже снились в одно время кошмары, как я отбиваюсь от банды и не могу никого поразить гранатами — все летят куда угодно, только не туда, куда надо. Но справился, уже и Сторм мне не конкурент в этом.

Ножевой бой тоже наше все. Как это ни смешно, но я до сих пор с винтовкой. Батареи покупаю. Нет, есть еще аварский автомат — по типу электромагнитного ускорителя работает ствол, боезапас большой, батарея легко заряжается где угодно. Вот только автомат против крокодилов не пляшет, мне хватило первой встречи с одним представителем этого семейства. Из винтовки упокоил с четырех выстрелов, в то время как Сторм извел весь магазин. С винтовкой я теперь не расстаюсь. До сих пор вздрагиваю, как вспоминаю бросок местного

крокодила с пастью пошире меня. На нем мы неплохо заработали, вот только мне хватило. Шкуру без силовых ножей можно и не пробовать снимать. Она стоит тут дорого — идет на местную одежду для выходов на природу. Я сделал себе такую разгрузку и нацепил на скаф. Немного комично смотрится, но вот только никто здесь не смеется, даже наоборот — уважительно поглядывают. Также сделал себе наколенники, налокотники, наручи, капюшон и защиту голени. Остальное продали и купили мне автомат. Шкура как броня — серьезнее моего скафа. Выделывать ее сложно, но местные умеют. Из органов потребляют только печень — лучшая сыворотка от ядов. Прочие органы идут на сдачу компании. Так как мне что сдавай, что не сдавай — сумма с девяноста восьми тысяч не сильно-то и упадет, то органы отдал техникам за модернизацию своего раритета. Теперь винтовка бьет дальше, мощнее и стала удобнее. Даже немного укоротить получилось до метра тридцати. Удобный приклад и ложе из сортов местного дерева. Оптический прицел с инфракрасной подсветкой. Ну, и собрали все-таки переходник для зарядки батарей винтовки. Правда, хватает батареи на шесть зарядок и каждый раз на меньшее количество выстрелов, но хоть как-то. Потом батарею можно только выкинуть. За сумму, что я потратил на эту винтовку здесь, в цивилизованных мирах можно купить изделие в разы лучше. Но тут как в анекдоте про единственного торговца — рынок большой, иди поищи дешевле.

Так и живем. Время от времени берем заказы на банды, в остальное занимаемся промыслом вдоль речек. В цикл ливней живем в ближайшей деревне, маясь бездельем. Сторм травит байки из наемнической жизни, местные рассказывают свои незамысловатые истории. Спорят, какое гражданство лучше иметь в Содружестве, или вообще в нем не быть. Спорят о ценах и работах. Перебивают косточки политикам да знаменитостям. Хлещут планетарку, которую я учу их пить правильно и со всяким выпендрежем типа на брудершафт и с ладони. За что считаюсь экспертом в этом деле и признанным мастером. В местных обсуждениях больше помалкиваю, так как мало вообще знаю, за что часто слышу смех напарника: «Что, спецура, жизнь длинная, да рассказать нечего — одна служба и грифы секретно». Местные ржут, но меня задевать боятся.

У Сторма есть нейросеть и имплантаты. Базы абордажника и рукопашки подняты на четвертый ранг, и при этом я всегда у него выигрываю. И все знают уже, что нет у меня ни имплантатов, ни сетки — проходил лечение в местной капсуле от подхваченной болотной лихорадки. Местные и Сторм заколебали местного врача уточнениями: «А точно нет ничего у него? А покажи, а докажи». Потом слухи сами собой разошлись, и уже все почему-то знают обо мне больше меня. И не важно, что девяносто процентов моей биографии не имеют ко мне ни малейшего отношения, только комментируют — каков же он тогда с имплантатами, если такой без них. Я молчу. Потому что не знаю, каков могу быть со специмплантатами, а доказывать что-то глупо и небезопасно.

Вдвоем работать банды легче. Раньше Сторм брал мелкие заказы на «недобанды» и одиночек. Теперь вырезаем уже устоявшиеся группы. Дела идут хорошо. Бандиты никогда не закончатся — всегда будут те, кому кажется проще грабить работающих, чем самим вкалывать. Бандиты — это те же жители поселения, но подрабатывающие на большой дороге. Поэтому свидетелей не оставляют, а от тел избавляет местная живность. Жители, как правило, не являются знатоками леса, так как глубоко в него не ходят, а когда заходят даже неглубоко, то группами по пять-шесть человек, даже если идти метров десять. Единственные, кто не бывают их клиентами, это охотники. Во-первых, потому что охотников тоже пять-шесть человек, и во-вторых, потому что охотники ходят глубоко в джунгли и на раз

срисовывают банды.

Охотники — это элита. Мы по статусу между ними и поселенцами. Почти у всех охотников выплачен кредит, но почему-то мало кто из них покидает планету. Отношение к ним у корпорации особое — могут и персональный заказ привезти, и кредит всегда открыт. Большинство поселений организовали охотники — надо же им где-то жить, особенно рядом со своими угодьями. Вот поселенцы, охрана да обслуга и молятся на своих охотников. Еще бы не молиться: все оборудование, что появляется в поселении — от реактора до скважин и очистных фильтров — есть только благодаря охотникам. Охотники влюблены в планету, как это ни звучит. При этом часто гибнут — не спасают ни скафы, ни оружие, ни самые продвинутые аптечки. Охотятся они на местных обезьян и подобную живность. На самых дорогих зверей они и не замахиваются, вот только иногда зверушки замахиваются на них, с фатальными для людей последствиями. Большинство новичков гибнет в свой первый цикл — где-то раздавил насекомого и не зачистил его останки, или просто перепутал веточку со змеей, а то и прислонился к плесени. На раздавленного жучка тут же приползет пара новых, и кто-нибудь да укусит. Если укусили и ты не сообразил сразу вколоть антидот, причем они все разные, ты труп. Если укусила змея — аналогично. Если укусил крокодил — то больше никто не укусит, ибо нечего кусать. Самые мерзкие змеи — это местные питоны. Они давят на мозги ночью — жертва сама приходит к ним в пасть. Радует, что больше одного счастливица они одновременно не контролируют. Питоны не ядовиты, но очень большие и сильные. В лесу они очень опасны — на ночь надо привязываться и спать очень чутко: если напарник пытается встать — дело плохо. Мы встречались с таким несколько раз, но обошлось. Некоторые охотятся так на питонов — берут в группу новичка, и как только он попрется на зов, крадутся следом. Новичку, конечно, каюк, но питона расстреливают несколько стволов и загребают дорогие трофеи. После каждого воздействия на мозги — зов питона на этого человека слабеет. Поэтому новички всегда в цене. Сторм выследил питона без меня, нашел и убил — я поэтому жив. Он был охотником недолго — всю их группу схарчила местная рысь, после этого Сторм ушел из этого бизнеса. Но методы у охотников свои и ничуть не менее эффективны.

Я научился уже многому, но реально, мне кажется, так и не догоню Сторма по знаниям и умениям. Я не новичок уже, но до бывшего охотника и наемника мне далеко. Но есть одно качество, что ставит меня наравне с ним — я чувствую лес. Сначала появилось чувство общности, потом я научился как бы растворяться в лесу, ну, а совсем недавно и искать в нем добычу. Наша добыча — люди. Банды стали крошить одну за другой. На браслете у меня уже шестьсот восемьдесят тысяч местных кредов. В нормальные деньги не перевожу — так как кредиты Содружества сразу снимет со счета корпорация по кредиту. Сколько у Сторма денег, не знаю, но в разы больше. Суммы для обычных людей тут заоблачные. Больше только у охотников. И как это ни смешно звучит, мне нравится эта планета.

— Привет, Ал. Как прошвырнулся по барыгам?

— Привет, нормально: антидоты купил, патроны нам тоже, кибердоктора пополнил, но местной бурдой, к сожалению, мазь от запаха купил у Плешивого — извини, больше никто не продавал.

— Ну, хоть так, замучаемся потом мыться.

— Хрен с ним, зато работает всегда, а не как у некоторых.

— Это да. Я заказ взял.

— Что за заказ?

— На Рваной банда новая.

Я задумался. Откуда на Рваной новая банда? Это дальнее русло реки, туда только старожилы проходят — новичкам там делать нечего. Да и грабить там особо нечего. Странно.

— Кто платит?

— Резвый из Нижнего.

И вот тут мой чувствительный орган явно стал подавать знаки. Этим местом я чувствовал что-то не то.

— Не нравится мне этот заказ. Давай откажемся.

— Да брось. Нормальный заказ и по деньгам весьма — сто тысяч кредов.

— Сторм, что-то мне не нравится этот заказ очень. Чуйка просто вопит о неприятностях.

Напарник посерьезнел враз: чуйка — это серьезно. Тут все относится к такому со всем вниманием, если хотят жить, конечно. Вся планета пси-активна.

— Что-то конкретное?

— Нет, не могу понять, но очень не нравится. Звенит опасно, и все.

— Нам всегда опасно, безопасно только сидеть в доме, да и то не факт.

— Знаю, но тут особенно.

Сторм задумался, я тоже. Ну не нравился мне заказ. Совсем не нравился, и я не мог понять, то ли мне больше Резвый не нравился, то ли сам заказ.

— Берем вдвое антидота, и ловушек возьмем, гранат больше. К цели пойдем от самого притока по лесу.

Тут уже призадумался я. Звучит хорошо, вот только переть это на себе по труднопроходимой местности — то еще удовольствие. Мы не тракторы, на себе все не утащишь. Тот еще поход будет. Но чувство опасности снизилось.

— Меньше, — только и сказал я.

— Тогда крюк еще можем наверх.

Добавилось другое чувство, непонятное какое-то.

— Не могу сказать, что-то непонятное.

— Значит, без крюка.

— Давай без него.

Собирались мы не долго. Да и что долго нам собирать? Все имущество в рюкзаках да на себе. Докупили боекомплекта, еды и лекарств — вот и все, что добавили в рюкзаки. Вышли на лодке уже после обеда, но до первого селения к вечеру как раз успеем дойти — там и переночуем, а поутру уже пойдем дальше.

К селению дошли уже в темноте, а темнеет тут быстро — раз, и выключили свет. Там за десять кредов сняли комнатуху и еще за пять взяли ужин. На еще десять заказали на утро припасы в дорогу.

Нечего рассказывать. Потом было две недели перехода по речкам и протокам — тут везде вода, речек много, и есть местные волоки с вырубленными просеками для них. На волоках по рации можно заказать транспорт — припрется гравиплатформа и за триста местных тугриков перетащит твое корыто на другую речку. Все как всегда — привычно и обыденно.

К притоке Рваной подошли уже к вечеру. Рваной зовут ее не зря — она то исчезает, превращаясь в болото, то опять появляется. Тот еще будет у нас маршрут.

Переночевали. На удивление, чувство тревоги успокоилось и ничем о себе не

напоминало. Утром поднялись затемно, свернули лагерь, привычно замаскировали лодку и двинулись по маршруту. Время от времени я сосредотачивался и искал людей — далеко не чувствую, но метров двести в джунглях дадут направление, а двести метров в здешних джунглях — это много.

— Есть. На десять часов несколько, точнее скажу, как подойдем ближе. — Понятие направления по циферблату ввел я, Сторм сразу оценил удобство, хоть долго и въезжал, почему часов всего двенадцать. Объяснил ему, что так просто удобнее — мелкие деления визуально тяжело распознавать, а нам важнее удобство.

— Принял, идем на одиннадцать и сближаемся.

Меня захлестнуло уже привычное чувство охоты. Адреналин поступал в кровь, и все чувства обострились — ради такого стоило жить. Такое же и у напарника сейчас — я знал, да и у всех охотников на этой планете. Медленно подкрадываясь, мы подошли уже совсем близко, я четко дал понять, в каком направлении кто находится, но что-то маячило на периферии сознания — какое-то чувство неправильности. К черту все лишнее.

— Бой.

Два одновременных посылы гранат по обнаруженным противникам, и сразу перемещаемся, не оглядываясь на результат. Еще одного Сторм снял своим тесаком. Двух последних просто пристрелили.

— Действительно новички, сидеть в засаде и жрать обед — это что-то.

— Сторм, тут один на лишайнике сидел, зря стреляли, походу, в него.

— ... и это банда?

— Браслет отбил — по имени, наш клиент.

За время скоротечного боя напарник уже был от меня метрах в семидесяти, и переговаривались мы по рации. На место стоянки я не выходил — мне резко там не нравилось. Я только собирался об этом сказать напарнику, как он уже вышел и стал рассматривать трупы и собирать браслеты — наше доказательство выполненной работы. Ничего не происходило. Тревога стала нарастать, но как-то непонятно — не конкретно место, а все в округе. Я затаился и замолчал, пытаюсь сосредоточиться. Сторм тоже что-то почувствовал и стал отходить в заросли. Внезапно он бросился вниз, и тут прозвучала очередь. Я не двигался и все пытался уловить, где враг. Напарнику я никак не мог помочь: пока враг непонятно где, я рискую просто сдохнуть, так ничего и не сделав. Вот я почувствовал. Твою ж налево, их больше пяти, и они повсюду и подходят — кто дальше, кто ближе. Это западня. Идут молча и умеючи, но не охотники — уже их слышно.

Готовлю гранаты и сижу жду. Есть — двое, оба левее меня. Кидать гранаты из моего положения налево очень неудобно, но что делать. Кинул и сразу переместился. Справа раздался взрыв гранаты и короткая очередь — жив Сторм, очередь его переделанного автомата не перепутаешь — он укоротил ствол и звук у него стал глухой какой-то со всхлипом. В месте моих бросков слышались приглушенные ругательства — зацепил-таки. Захожу еще ближе к ним в тыл и бросаю подряд еще три отскока. Резко сдаю назад, и нож сам собой появляется в руке.

Начинаю приближаться к напарнику по дуге и неожиданно сталкиваюсь нос к носу с противником. Падаю вниз и одновременно пытаюсь полоснуть кликом. Очередь. Плечо пронизывает боль. Ну, плечо не голова, жить буду, если не помру. Перекатываюсь и добиваю противника. Силовой нож — это не обычный клинок, он режет скафы как масло. Нет у противника уже ни автомата, ни руки. Вернее, есть — висит, вон, на куске кожи и сухожилий

то, что от нее осталось. Он орет. Орал.

Резко опять назад и обхожу по дуге в другую сторону. Слышу разрыв гранаты. Мат. Жив напарник. Он идет, наверное, на запасную точку — ее мы заметили раньше. А то, что взрывы в противоположной стороне, так понятно — не напролом же он ломанется. Надо прикрыть его, но сначала плечо. Достая кибердоктора и прижимаю к ране. Жму на первичку. Ничего особенного — обезболивающие и закрыть рану пастой-пенной от кровопотери, ну там еще небольшая дезинфекция. Но лечить по-нормальному некогда — сейчас сойдет и так. Ищу чувствами напарника. Есть, засек. Блин, у него дела швах совсем: ко мне двое идут, а его трое берут уже в клещи. Иду к нему. Бросился бы, но в джунглях не бегают, а аккуратно и осторожно перемещаются. Время, время! Не успеваю. От безнадёги беру гранату, ставлю таймер, примериваюсь и бросаю как можно дальше в сторону засады. Не попаду точно, но направление, может, и изменят. Взрыв. Я все еще иду навстречу. Нет, не обманул, но перестали двигаться. Напарник тоже. Видимо, намек понял.

Сзади меня уже поджигает. Прикинул, как я бы шел по следу и поставил там растяжку. Все, быстрее вперед. Врага чувствую уже рядом. Наверняка у него тоже чуйка есть — он меняет направление и, видимо, просит помощи. Так, теперь уже вокруг меня начинает образовываться кольцо. Достая гранаты — был прав Сторм, без запаса гранат мне бы уже был каюк. Примериваюсь, где может оказаться противник, и забрасываю туда одну. Замедлитель, врыв. Враг меняет траекторию, вон кусты еще колышутся — хорошо хоть не охотник, у них кусты не намекут ни о чем.

Автомат на изготовку. Вот он, и чувствую и вижу, где прячется, — нога видна. Очередь на три в нее. Есть, орет. Смещаюсь, обхожу с другой стороны — добиваю. Готов. Сзади выстрелы и чувство опасности притупляется: ясно, там напарник снял очередного. Взрыв глубже в лесу. Ага, моя растяжка. Нет, ну надо же, угадал! Сосредотачиваюсь на ощущениях. Хм, а остался-то всего один. Его я и чувствую, и слышу — там уже паника, ломится через кусты, как баран. Ну, можно его уже не искать. Приключения он так себе найдет точно — живым я его не увижу. А вот чувство опасности не проходит, а наоборот, нарастает. Связываюсь с напарником, иду к нему.

— Жив, курилка, я уж было подумал, всё.

— Жив, цапанули меня хорошо. Посмотри спину, я ее не чувствую уже.

— М-да...

Смотрю на Сторма. Спина — сплошная рана. И не могу понять, чем его так приложило. Он показывает мне свой дохлый кибердок — пуля в него попала. Достая свой, обрабатываю его спину. Он прикрывает глаза. Блин, как он только держится? Там и потеря крови, и боль должна быть дикая. Запах крови в джунглях — это плохо. Но надо завершить дело. Чувство опасности не проходит — ставлю в известность об этом. Иду добирать подранков и снимать браслеты. Собирать трофеи некогда. Опасность растет. Сбежавший уже не ощущается — либо далеко сбежал, либо сдох. Бегать здесь нельзя. Обошел всех. Двоих добил. Собрал аптечки — у них не нормальный кибердок, а простые аптечки, которые неизвестно еще, не просроченные ли, и вообще то ли в них, что надо. Жопа.

Прихожу к пострадавшему — он без сознания. Ну, ясно, кибердок постарался. Снимаю аппарат с него и прикладываю на плечо. Жужжит и моргает — явно матерится. Ну да, химия в нем местная, но качественная. Боли нет, но вот устройство щелкнуло и выкинуло что-то — наверное, пулю извлек. Ничего не чувствуется. Все, отвалился. Накачал-таки гад наркотой — не чувствую уже ни опасность, ни направление ее. Ладно, помню, откуда шла, сматываемся.

Напарника на спину себе, потопали. Мать!

Останавливаюсь, достаю мазь и намазываю и себя, и напарника — как раз запах крови отобьет, для этого и покупалось. Чуть не забыл, емея, блин! Так бы и сложились по дороге.

Иду я уже пять часов. Привалы все чаще. Но наркота прошла, и я чувствую, что идет на нас охота. Есть фора. Еще есть — надо идти. Но это все тяжелее. Перед уходом я те гранаты, что взял у покойников, приспособил на сюрпризы. Но искать было некогда, да и не брали они их особо. Не, ну, лошары! Патронов и пару батарей тоже взял. Идти к лодке не могу — оттуда и идет погоня. Ухожу все дальше в лес. О том, что из чащи не все группы охотников возвращаются, стараюсь не думать. Я не охотник. Я так — рядом валялся, по верхам набрался. Но не охотник. Противник тоже не охотник, так бы я был уже мертв. Но как-то особо не утешает.

Идти больше не могу. Уже начинаю тупить — так вяпаюсь и сдохну. Стоп и отдых. Как же болит плечо! Но кибердок берегу — надо помочь напарнику. Осторожно снимаю его с себя, усаживаю. И понимаю, что он мертв. Твою ж мать! Осматриваю внимательно. Ну что, я сам виноват в его смерти — мазать мазью надо было сразу. Виден на спине небольшой укус. Вокруг уже все черное. Вот и все. Прости, дружище, не доучил ты меня — я тебя подвел. На душе мерзко и противно.

Мне уже все равно. Надо вернуться и убить всех загонщиков — мне незачем больше бежать. С этой мыслью начинаю подниматься. Вдруг то непонятное чувство, что заставило отказаться от крюка, наваливается на меня. Чувствую чей-то взгляд. Резко поворачиваю голову и перехватываю автомат. В голове будто разрывается граната. Я не могу пошевелиться. От слова вообще. Даже дышать не получается — так на выдохе и замер. Но вижу гостя — местная рысь. Просто лежит на дереве и смотрит на меня. Как она там появилась, непонятно, ведь мгновение назад я смотрел туда — пусто там было. И так все выглядит, будто там она и лежала до этого. А в голове только одна мысль: только не сейчас, только не сейчас — вот раздам долги, пусть тогда уже. Что тогда, что пусть — сам не знаю, но отомстить хочу сильнее всего.

Рысь смотрит, красивая, зараза. Я земных не видел, но вроде как небольшие они. Видел я только львов и тигров в зоопарке — она меньше. Но вот морда действительно рысья, и густая шерсть, уму непостижимо, как ей не жарко тут. Рысь фыркает, как будто читает все мои мысли. Кажется, изменился взгляд — стал какой-то заинтересованный. Прошу ее дать мне разобраться с обидчиками — потом вернусь сам к ней, если ей так хочется. Прошу мысленно.

Вдруг меня отпускает. Смагиваю — на ветке никого нет. Но, блин, я уверен, у меня не глюки! Собираю вещи, перекладываю боезапас. Кибердок разряжен, но кладу в рюкзак. Ствол беру напарника — у него лучше. Снимаю браслет и прячу отдельно. Окидываю деревья взглядом и говорю уже вслух:

— Закончу и вернусь.

Возникает чувство, что мне обязательно надо вернуться потом сюда. Да я и не отказывался. А к чувствам тут относятся очень внимательно. Ну что, смертнички, покувыркаемся? Я возвращаюсь.

Иду долго. Нашел в рюкзаке стимуляторы. От них потом долгий отходняк и сон. Но я должен управиться раньше. Загонщиков чувствую где-то на периферии, но странное дело — я не просто смутно ощущаю, а точно знаю, где они. И расстояние охвата стало больше. Странная планета. Наткнулся на труп — ага, умник, тоже, видимо, устал гнаться и вяпался в

желтую паутину — рожа распухла и вся в линиях. Умер он страшно, паутинка сильно бьет на нервные окончания. Верю, но ничуть не жалко.

Иду дальше. Долго иду. Вот уже чувствую ближнего. Так, пушку убираю. Мечь — это дело ножа, да и звуки мне не нужны, слишком близко идут они, к тому же не ко мне, а от меня — плюнули и бросили затею, наверное, после желтой паутины. Это облегчает задачу, но расслабляться мне нельзя. В голове чистота — не пустота, а именно чистота, ничего лишнего, все только по делу. Такой концентрации я еще не достигал.

Просто и банально срезал двух замыкающих. Один успел-таки вскрикнуть, ну да все равно — осталось двое, а тут уже мы поиграем на равных. Мазью я намазался заранее, так что сейчас кровь по фигу, что на меня попала. Обхожу по дуге левого, он идет мне навстречу. Ой, какие заросли, а ведь я могу почти встать в них, и меня с двух шагов не увидишь, о том, что там живет всякая живность, забываю напрочь. Противник появляется неожиданно: ничего не было, и вот он стоит спиной ко мне. На заросли не смотрит — ну да, какой еще идиот залезет в них, жить всем хочется. Был бы я новичок, он, наверное, посмотрел бы сюда, но меня он явно знает, скорее всего слышал, но ему и в голову не может прийти, что я туда залезу. Ну, вчера и мне бы в голову это не пришло. И странно — я знал, что в кустах полно живности, но все куда-то исчезли. Их же счастье.

Рывок, нож в печень, удар, еще удар. Контрольный. Все — готов. Без красивых замахов и прочей лабуды, все предельно просто и функционально. Последний рядом. Отступаю опять в кусты — местной мелочи говорю мысленно: «Брысь». Твою ж мать, а их до фи́га было, и все уматывают. Ё-мое, это не лиана висела сзади, а змея!

И в этот момент появляется последний клиент. Змейка взвилась, укус, шлепок, и змейки как и не было. Клиент срывает рюкзак — оп-па, это кем же надо быть, чтобы антидоты там таскать, а не на поясе? Порыться в вещах я ему не даю — шаг, удар. Всё.

Собираю зачем-то трофеи и браслеты — наверное, потому что уже вьелось в подкорку, и возвращаюсь. Куда идти, я помню. Нет, можно попытаться сбежать, но глупо — так и умрешь, запыхавшись. Это территория местной кошки — захочет, найдет. Шанс есть, что она за мной не следит, но я в это не верю.

Последний час иду тяжело, мышцы все перекручивает, в животе два кирпича трутся об кишки, и в башке гремят колокола. Трудно идти, перед каждым несколькими шагами замираю и сосредотачиваюсь — взгляд уже плывет. Все, дальше не дойду. Чувствую, что лимит времени вышел — сейчас отрублюсь. Мысленно извиняюсь перед кошкой и достаю спальник. Зачем он мне сейчас, непонятно, но это все на автомате. Взвинчиваюсь в него, захопываю клапан и отрубаясь.

Сон был вязким и очень мерзким. Что мне снилось, не запомнил, но выплывал долго. Постоянно отвлекал непонятный звук снаружи. Вот дела, я, как полный идиот, не подготовил стоянку и завалился в спальник. Как я еще жив? Попытался слиться с лесом и понять, что в округе. Неожиданно легко получилось. Такого слияния у меня еще не было!

Я чувствовал каждое дерево, и траву, лианы и насекомых в округе. Вот жук что-то тащит рядом с моим спальником. «Пошел отсюда», — говорю мысленно ему. Во дела, он тут же бросает свою ношу и улепетывает в кусты. Но вот то, что издает звук рядом, я не чувствую. Чувствую двух мертвых животных рядом, но что издает звук, понять не могу. Странно, трупы рядом, а никто на них не зарится. Или то, что звук издает, разогнало всех по норам? Делать нечего: открываю клапан и начинаю выбираться. Ну да, кто еще может быть! Вот она, моя старая знакомая, спокойно ест мартышку, уже немало объела. Мартышка весьма не

маленькая — вторая туша совсем целая лежит рядом со мной. Никогда не видел их вот так рядом. Да и туш не видел — только шкуры. Шерсть короткая, морда сплюснутая, клыки. Мда, клыки впечатляют — саблезубая мартышка, однако. Перевожу взгляд на лапы. Хм, да и коготки у нее.

Киса перестала есть свою добычу и смотрит на меня. Требовательно мявкает — коротко и глухо как-то, метрах в пяти уже не услышишь ничего — и переводит свой взгляд с меня на вторую мартышку. Угощение? Четко формирую свою мысль и смотрю на нее. Кошка фыркает и мявкает. Ну не знаю, что она хотела сказать, но чувство, что меня обозвали идиотом, не отпускало. Ну, и ладно, идиот, но зато еще живой, а есть действительно хочется жутко, после стимуляторов местных всегда так. Разделяваю мартышку, по-быстрому закидываю в герметичную упаковку и готовлюсь менять место: останавливаться там, где все пропахло кровью, — ну уж нет! Киса спокойно вылизывается — ну, блин, точно домашняя кошка! На Земле у меня были коты, я вообще равнодушен к кошачьим, а тут прям один в один.

Рысь перестает вылизываться, требовательно мявкает и запрыгивает на дерево. Ничего себе, да я как ни буду прыгать — не допрыгну, несмотря на весь свой рост, а она коротко и без разбега — хоп, и уже на ветке. Видимо, идиотское выражение лица ей понравилось, она презрительно фыркает и перепрыгивает на другую ветку. Не знаю, откуда у меня появилось ощущение эмоций в ее фырканьях и мявканьях, но я абсолютно реально их ощущаю. Не мозгом, а как-то телом, что ли, — сам понять не могу. Киса перебирается с дерева на дерево и требовательно на меня смотрит. Все понял, не дурак — дурак бы не понял. Надо идти за тобой — иду. Да и куда я денусь в ее-то лесу! Я тут гость, а она хозяйка. Фыркание уже одобрительное. Ну да, что тут непонятного.

Так идем с ней где-то с полчаса. На удивление, не вижу ни змей, ни жуков на пути. Такое впечатление, что мелочь вся попряталась. Хм, я сам недалеко ушел от этой мелочи — от такой хозяйки не грех и спрятаться. Поглубже куда-то и понадежней. Но иду. Пришли на полянку, небольшую. Рядом ручей. Место просто супер. Жрать хочу уже сил нет. Но если есть ручей, то смогу через флягу отфильтровать воду и сделать себе похлебку — мясо есть. Мясо обезьян вообще деликатес и энергетик, и женьшень, и еще черте что в одном куске. Мало того что вкусно, так еще и полезно.

Достаю котелок и начинаю оглядываться в поисках дров. Вот тут и засада. Нет, сушняк нахожу. Но вот хозяйка не просто недовольна — она зла! Ну не сырым же есть! Оп-па. Я понял. С тоской смотрю на упакованные куски. Местное мясо есть без термообработки не рекомендуется. Это то, что не ядовито. С тем, что ядовито, можно не заморачиваться — термообработка не поможет, сдохнешь все равно.

Смотрю на рысь, она требовательно смотрит, и мои возражения гасятся в зародыше. Кошка показывает когти. Здоровые. Ясно все — буду есть как есть. Ставлю в ручей набираться флягу. Распаковываю мясо и начинаю есть. Ну не фанат я сыроедения! Но под взглядом кошки уминаю весь кусок. В желудке разгорается костер. Сдохну так сдохну, все равно вариантов нет. Осталось еще несколько кусков, но уже не лезет. Кошка продолжает требовательно смотреть. Достаю еще один. Блин. Ну не съем я его — большой. Смотрю на рысь и понимаю: я что-то не то достал. Так по очереди начинаю доставать все приготовленное на сдачу корпорации и вольным торговцам. На чем-то, похожем на печень, до меня доходит — вот ее и надо есть. Съедаю без аппетита, просто насильно впихиваю в себя. Уже не огонь в желудке — уже все горит, даже мозги. Бреду к ручью, достаю флягу и выпиваю ее всю. Ставлю обратно на заполнение и вырубаясь.

Что-то уже у меня вошло в привычку вырубаться в самых неподходящих местах.

Очнулся я утром. Наверное, следующего дня. Голова ясная, ничего не болит, но голод просто зверский. Не рассуждая, бреду к рюкзаку и начинаю лопать все, что есть в упаковках. И только потом понимаю, что сожрал и селезенку, и остальные органы на продажу. И мясо все сточил. В животе опять пламя, но оно уже не приносит боли. Просто пламя в животе, но ничего не болит. И жутко хочется спать. Раскладываю спальник, даже ставлю периметр, отпугивающий живность. Кошки рядом нет, ну и слава богу — не до нее сейчас. Залез в спальник и уснул сном младенца.

Проснулся опять утром. Сушняк во рту дикий. Толком не проснувшись, иду к ручью и начинаю пить. Только напившись, понимаю, что пью из ручья — а в нем чего только нет! Тупо смотрю на воду, потом махаю рукой. Да и фиг с ним — сырых обезьян тоже нельзя есть. Достая свою флягу и зачемто делаю глоток из нее. Вернее, знаю, зачем, — для самоуспокоения.

О, сюда идет хозяйка, чем-то озабочена. И тут меня прошибает. Я чувствую лес в округе! По ощущениям, почти на два километра. Но не так, как раньше — мне не надо входить в чувство слияния и наобум щупать, что в округе. Я просто его чувствую фоном. Он не мешает. Он просто есть. Ну, как звуки в городе. Ты слышишь шум машин и речь, и шаги. Но различаешь четко шум только вблизи себя.

Вот и Мурка. Почему Мурка? Так ведь кошка. Кому не ясна логика, но мне все понятно. Мурка недоуменно смотрит на меня, но потом фыркает. Вроде как: Мурка так Мурка, все равно мое имя не выговоришь. Или у нее нет имени? От людей нет точно — так что Мурка!

Фыркание еще раз, а потом я слышу стаю волков. Но не сам — на фоне их не чувствую. Но что волки идут, есть ощущение. Смотрю на Мурку и понимаю — это она мне сказала. Она смотрит на верхние ветки. Перевожу взгляд туда же. От местных волков бегать так же бесполезно, как и от рыси. Загонят и схарчат. Дерево — это выход, да и пайки еще есть у меня, дня три могу просидеть спокойно. Быстро собираю вещи. Все, готов. Вот только как залезть-то на дерево?

Мурка уже веток на семь выше, чем была, и требовательно смотрит на меня — типа что ты там копаешься, времени мало! Я уже и сам чувствую, что мало. Но вот как залезть? Ага, вон есть кочка, до ветки все равно не дотянуться, но вот с разбегу... Подумано — сделано. Как-то забрался. Мурка веселится — ну да, ей должно быть вообще смешно. Лезу выше. Веток через восемь нахожу удобную развилку. И широкую — я тут и сам помещусь, и еще место останется. Тут и останавливаюсь. Мурка тоже недалеко. Устраиваюсь с комфортом. Стелю спальник. Ждем.

Стая появляется внезапно, по крайней мере для меня — вот никого нет, и вот они уже обнюхивают поляну. Нас не видят, хотя наверх посматривают. Ученые, сразу видно, про рысь знают и опасаются. Но стая порвет рысь, хотя она и сильнее каждого в отдельности и быстрее, и когти больше. Но стая — это стая. Я же вообще не котируюсь. Но вот с этим мы и поспорим. Волки бьют пси по-своему. Парализация, но не полностью — двигаться можешь, только медленно, и голова от их ударов раскалывается — это мне охотники рассказали. Но я-то наверху. Автомат тут бесполезен, не пробьет их шкуру — это тоже знаю, но ведь я таскаю еще свою винтовку! А ну-ка! Рассредотачиваю взгляд, чтобы не привлечь внимания к себе, и быстро, почти не целясь, начинаю стрелять.

Раз, два, три, четыре. Твою мать! В волков я попал, и, на удивление, все выстрелы в цель. Двоих убил, и два подранка. Волков восемь штук. А батарея закончилась — как я мог забыть

заменить батарею на нормальную, не знаю. Видимо, оттого, что в лесу винтовкой ни разу не пользовался, вот и вылетело. Быстро перезаряжаю. Ага, быстро — батареи запасные в сумке. Достал, зарядил. На поляне никого уже нет, кроме двух трупов. Подранки ушли.

Мурка, молча наблюдавшая за мной, резко срывается и исчезает. Умеет же! Мне бы так. Куда сорвалась, я понял: подранки далеко не уйдут, она объявила охоту. Волков рядом нет, но я не тороплюсь спускаться, подожду немного. Часиков пять-шесть, а может, и еще подожду. Что-то ссыкотно мне одному спускаться на поляну.

Пока жду хозяйку, меня прошибает — я ведь абсолютно не смотрел, куда лез и за что хватался. Как я еще жив-то! Внимательно осматриваю руки. Правая измазана чем-то белесым — принохиваюсь. Крабья плесень! Всё. Приехали. Сижу, тупо пялюсь на руку. Только минут через пять до меня доходит, что болеть у людей начинает сразу, а минут через пять, максимум десять они уже в виде трупиков. Я же значительно дольше тут сижу. Пытаюсь переварить новость. Не сразу, но мандраж проходит, и уже с любопытством осматриваю конечность. Внутри ее принимать не стоит — что-то мне подсказывает, что мне резко поплохеет от такого. А вот так — нет опасности, главное, чтобы в ранку не попало. Что-то во мне изменилось, но в капсулу к врачам лучше не попадать — как бы на опыты не пустили. Но ничего против таких изменений организма я не имею. Пусть будет. Выжимку из селезенки мартышек используют как средство для заживления ран и усиление регенерации, а печень — это основа всех мощных антидотов. Ну да, мартышки что только ни жрут. Но в сыром виде их не потребляют — только специальные выжимки. Все подопытные коньки отбросили. Или не все? Что-то я слышал о таком, но посчитал за сказки. Но что слышал, точно не вспомню — ну не интересовали меня бредни местных сказителей. Я человек практичный, а слухов и про себя наслушался. Так что не верилось мне не на пустом месте.

Так как делать все равно было нечего, я оглядывал округу и пытался хоть что-то припомнить про такие случаи, как мой. За этим занятием меня и застала Мурка. Под ее ехидным (вот не вру!) взглядом слез на грешную землю и занялся разделкой туш. Есть я их не собирался, да и рысь не ела их — это просто враги ее вида. Ну, теперь уже и мои, я теперь это точно знал. Именно как врага они будут чувствовать мое присутствие, а я их. Не самый легкий враг. Люди как-то попроще. Но я ни о чем не жалел — я принял сторону и был всем доволен.

Разделал туши. Вырезал, что на продажу — тут уже сверяясь с каталогом в браслете. Никогда и не предполагал, что осчастливит меня этим. Потом сходил за подранками, которых добила рысь. Сама стая ушла, и сомнительно, что вернется в ближайшее время — уже не факт, что справятся с Муркой, мало их для победы. Потрепать могут, но вот боевая ничья вырисовывается, а волки не глупее паровоза — атакуют только по расчету и с четкой перспективой на победу. Большие стаи и деревни вырезали, было и такое тут. Органы от волков стоили не просто дорого, а очень дорого. Но вырезать их геморрно. Но ничего, ничего, кредит-то я закрыл, считай, уже. Четыре волка — ха, тут когда одного разделают, так новость пару циклов перетирают! Ну, хоть купить что смогу в официальном магазине. Уезжать никуда я не рвался. Куда ехать-то? Мне там нейросеть надо, и базы знаний, и сертификаты. Нет у меня таких денег все равно. Да и нравится мне эта планета. Это моя планета! Я тут дома.

Поразился течению своих мыслей, закончил все дела на поляне и забрался на ставшую уже родной развилку на дереве. Ловчее как-то получилось. А что, растем! Рысь одобритительно посматривала на меня, а потом исчезла в неизвестном направлении, причем я опять ее

перестал ощущать. Ну вот как так у нее выходит? Вроде и перерос уже себя прежнего в разы, а все равно рядом с ней каким-то котенком ощущаю. Так, стоп. Котенком? Чего котенком? Это моя мысль или навеяно? Ну, и как тут разобраться?! На грани ощущений почувствовал хорошо знакомое фырканье.

Ладно. Это все потом — сейчас буду тут обустриваться.

Рядом с Муркой я провел еще три дня. За это время я научился и понял больше, чем за все семь циклов до этого. Но надо было расставаться. Приближался цикл ливней, — а мне надо еще успеть все дела переделать, да того разумного, что нас на засаду послал, поспрашивать надо. Дел хватает, успеть бы. Мурка уходила — ей тоже куда-то надо было, но до лодки меня проводит. Это я знал.

Место, где оставил мертвого Сторма, я нашел быстро и легко. Но ни костей, ни чего-то еще не было. Мысленно попрощался с ним и попросил прощения за свою ошибку, да и пошел к лодке. Мурка на глаза не показывалась, но что она рядом, я тоже знал. Путешествие вышло каким-то обыденным, что ли. То, что мне опасно, я заранее обходил, мелочь сама убиралась с дороги или не высывалась — не знаю. Всяких жуков и мелких змеек, что раньше замечал постоянно, я не видел вообще. У лодки мы с Муркой расстались. Она что-то мявкнула — типа будь осторожней. Я ей пожелал того же и удачи, чем заслужил презрительное фырканье, и все — я опять ее не ощущал. Вот могут же некоторые!

Добирался обратно я спокойно и не спеша. Добыл еще одну обезьяну — мясо оставил себе, а органы не рискнул есть — лучше сдам корпорации.

Спустя неделю добрался до поселения, где получили заказ. Резвый из Нижнего куда-то уехал по делам и должен был вот-вот появиться. Я ждал. Меня никто ни о чем не спрашивал, что было странно. Но я и не хотел никому ничего говорить. И вот мне сказали, заказчик вернулся.

— Привет, Резвый. Я Ал. Ты нам со Стормом давал заказ на бандитов.

— Ну, давал.

Еще бы он отказывался, такие дела фиксируются тут, не отбрехаешься.

— Все четыре банды уничтожены, принимай браслеты.

В баре повисла тишина. Откуда-то послышалось недоуменное: «Как четыре?» — но Резвый даже бровью не повел. Я выложил браслеты. Он каждый поднес к сканеру и проверил подлинность, ну и считал имена. Мой браслет тут же звякнул получением денег. Проверил сумму — даже больше, чем у меня выходило по расчетам. Сумма награды была за каждого в отдельности, и то, во что вместе складывалось, выходило по простым арифметическим действиям, было явно больше. Шестьсот тысяч местных тугриков — серьезная сумма, как ни крути.

— Денег больше пришло. Ошибка?

— Нет, премия.

— Понял.

Все, спрашивать еще что-то бессмысленно при свидетелях. Надо его ловить и допрашивать в одиночку. Деньги я получил. Рассчитывал, что не будет у него нужной суммы, и можно будет получить официально его жизнь, но нет. Да тут все просто: сделал официальный заказ — плати, нет денег — тогда твоя жизнь принадлежит тому, кому не заплачено. Мир прост и ясен, как двери в сарай. Ну, это касается только вопросов охоты на людей, в других случаях оплата товаром и имуществом. Но раз заказываешь отнять чью-то жизнь — будь готов расплатиться сполна. Шлепнуть официально его уже не выйдет.

— У меня дела, Ал. Так что если вопросов нет, то я пошел.

— Нет вопросов. — Ну, а что еще я мог сказать при свидетелях? Проводил быстро уходящего Резвого долгим задумчивым взглядом. Мне так казалось. Народ же в баре почему-то замолк.

Делать нечего, раз уж я в баре, то и поем заодно. Ну, и сниму комнату, где есть ванна. Резвый от меня уже не уйдет, я его запомнил. Дернется из поселения — догоню. Спрячется — найду. Как чувствовал лес, так и тут. Из общей картины выбивался только мужик в возрасте. Он до сих пор смотрел на меня с интересом, но молчал.

Какое блаженство отмокать в горячей ванне! Нет, это не передать словами, это надо прочувствовать. Что там миллионеры! Им не дано познать такой радости от простых вещей.

Купался я долго и со вкусом. Пока вода в ванной не остыла. Почистился, передел нижнее белье, напялил обратно мой скаф и весь обвес — это уже дело привычки, без разгрузки и прочего я чувствую себя не комфортно. Взял из упаковки кусок мяса местной обезьяны и спустился в зал. Подошел к стойке и передал мясо бармену.

— Это обезьянка, приготовь ее со специями и как положено.

Ха, мужика явно проняло, но по морде не скажешь, но дрогнула рука, дрогнула.

— Не вопрос, вам по какому рецепту? У нас есть несколько.

— На ваш выбор, но чтобы не острое и не сильно соленое.

— Вам весь кусок приготовить?

Ну, тут ясно: весь кусок — это много, но такое если сейчас выставить на продажу, бармен неслабо поднимется сразу, да и мне перепадет.

— Нет, я не настолько голоден. Мне половину. И напитокка какого-нибудь безалкогольного мне, и салат еще.

— Все будет, вы присаживайтесь, сейчас все принесу.

Не успел уместиться, как нарисовалась девица весьма впечатляющих объемов и размеров. На колени такую я не рискну сажать себе, кому-то другому — пожалуйста: может, раздавит — интересно же посмотреть.

— Новый тоник из красных орехов, совсем недавно орехи привезли — все свежее.

— Спасибо, это даже лучше, чем я надеялся.

Ну, а как еще тут могут называться съедобные орехи красного цвета? Кстати, очень вкусные и питательные, из них еще масло делают. Странное масло кисло-сладкого вкуса и цветочного запаха. Дорогое, кстати, в центральных мирах — там из него что-то делают сильно дорогое. Ну, это там дорогое, а тут их уже и высаживают сами поселенцы — местное растение и так растет. В баре уже стало шумно: мясо обезьяны может появиться, только если убили эту обезьяну, но я один, а не команда охотников, все новость в массах. Да плевать, все равно узнают, как ни шифруйся, проверено, так что не буду забивать себе голову, а просто радоваться жизни.

Минут через двадцать принесли всю мою еду. М-даа, запах обалденный, это вам не сырое жрать. Это для гурманов. Нет никакого сравнения.

Пока я уминал свою порцию, заметил, как официантка разносила мелкие порции того же блюда. Только порции реально мелкие — так, попробовать. Ну, это понятно — шикануть на тысячу тугриков местные, конечно, готовы, но вот, как я, потратить на еду двадцать местных тысяч — нет, не поймут. А мне можно. К тому же хотелось сравнить с тем, что я ел, и вообще немного отдохнуть. Судя по взглядам, я стал уже не только знаменит, но перенесен в категорию уважаемых богатых людей. Стол не просто мой обслуживается, а блистает

чистотой и всегда на нем все есть, что мне хочется.

Подсел хозяин.

— Я не слышал раньше об охотнике Але, но слышал об охотнике за головами с таким же именем.

— Это я и есть.

— Я поспрашивал в сети о тебе, за головами ты охотник знатный, это все знают, но никто не помнит, чтобы ты приносил обезьян или древесных крыс, или еще чего из глубокого леса.

Да именно глубокого. Лес тут измеряют в глубину, как это ни дико звучит. Хотя я их понимаю и сам так же меряю.

— Да, это первая моя обезьяна.

— Ну, значит, с почином. На почин проставляются по обычаю. Ты все сделал правильно — учил кто? Такой обычаем только у охотников.

Плакали мои денежки, раздача бесплатная. Вот ведь чувствовал что-то такое. Хотя да, нормальный обычай. Пусть так и будет. Сомневаюсь, что хозяин наврал, незачем ему это, да все с оружием, так и голову снести могут.

— Учил. Сторм, мой напарник, был охотником. Он и учил.

— Вот как? Ну, я так понимаю, ему не повезло на охоте?

Вот тут явный подвох, все стало на свои места. Хозяин явно пытается понять, прихлопнул я напарника после удачной охоты, или с бандитами так вышло. Если бы была одна банда, точно решил бы, что после охоты убил его, чтобы не делиться. Это людям понятно.

— Четыре банды, мужик. Четыре банды. Там нас отоварили: засада была на нас. Резвый заказывал одну банду новичков. А там было четыре, и новичками была только приманка.

А вот тут его впечатлило. Он задумался. Я встал и склонился к нему — показал неотремонтированный скаф. Место, куда влетела пуля, было видно. Повернулся — показал, что не вылетела. Мужик понял.

— Мы оба получили, но Сторм вышел первым собрать трофеи с приманки. Я просто не успел, но и меня достало.

— Как же ты один их всех?

— Сторм помог. Он не сразу умер. Разворотило ему спину сильно, но троих он успел положить, я ему не смог помочь. Сам был озадачен. И так досталось хорошо.

— А обезьянку когда добыли тогда?

— Когда от наседавшей погони с тяжелым напарником уходил. Там его она и добила.

Ну, приврал, да. Пусть он геройски посмертно будет.

— Раненый не так быстр, как целый, как же ты один тогда справился?

— Одну банду, да растянувшуюся в глубине леса? Лес помог.

— Нарвались сами?

— Не все, но я добрал. Должок у меня к ним образовался.

Зал переваривал сказанное. Тут понятно, детекторы среди населения живые имеются, тут уникамов хватает, но я и не врал — так, прибавил немного, но должно пройти на ура, явной лжи у меня нет.

— Не врет он, — сказал тип, что до этого с интересом на меня посматривал.

И всё. Вопросы как отрезало. Ясно, вот и детектор местный. Я так не умею, ну да каждому свое.

— Ну что, Ал, сегодня бар гуляет. Мясо с тебя уже было, с нас выпивка.

Вот попал! Сейчас накачают, и ведь не хочу же пить, да и нельзя мне.

— Мне символически только, я ж на химии почти неделю висел, а до этого на стимуляторах был.

— А ведь не врет опять, — опять тот же мужик.

— Как же ты выжил-то, парень? Слышали все: бар гуляет сегодня — у нас охотник родился.

Простые и незатейливые люди. Сейчас все выпьют, потом будет драка, потом заверения в вечной дружбе. Но это к лучшему — чуть посижу и займусь Резвым. Как раз мое гуляние. Резвый в городе — на ночь глядя не хочет, видимо, ехать. Ну, да это ему и приговор.

В середине праздника я поднялся к себе. Оппа, а в комнате гости. Спускаюсь, нахожу хозяина и говорю про комнату, берем пару мужиков менее подданных и парочку на улицу. Блокируем дверь, и я тихо открываю замок своей карточкой. Шум такой стоит, что не прислушивайся я — не услышал бы ничего. Распахиваем дверь, но в комнату летит парализующая граната. Хлопок. Влетаю перекатом и оглядываюсь. Лежат, голубчики — двое. Пакуем их и маякуем тем, что во дворе страхуют.

— Мне надо отлучиться, — тихо, чтобы слышал только хозяин, говорю ему я.

— Вена проведет черным ходом. Зажился Резвый, видать, уже. Страх совсем потерял, — так же тихо говорит он мне. Ну да, то, что люди здесь простые, совсем не значит, что они дураки. Все просчитал уже мужик. Да я, собственно, уже и понял, что он ситуацию просек. Мутный заказ — странная оплата. Ну да, если нет денег и жизнь передаешь — это не значит, как правило, что обязательно труп. Обычно это значит, что твоей жизнью распоряжаются, пока долг не отдашь, но могут и прибить — есть и такой вариант, особенно если человек никогда не сможет расплатиться.

Резвого я нашел уже в лодке с тремя чудиками — главное, днем побоялся ехать, а тут спешит он. Ну да, ну да. И как узнал только, что его план провалился? Мне свидетели не нужны, даю время уйти и завожу свою лодку — у меня водомет, у Резвого винт. Его слышно далеко, у меня все тихое — работа у нас такая была, шум ни к чему.

Ушли они недалеко, пяток километров отмахали и встали на ночевку. Оно и понятно, ночью по реке только самоубийцы будут кататься. Одно дело, он по широкому руслу отмахал, а совсем другое — двигаться по протокам и мелким речкам. Сам не заметишь, как подохнешь.

Взял чисто. Два трупа, и ранил клиента. Допрос дал простой, как банан, ответ. Резвый держал общак. Мы слишком хорошо стали выбивать банды, и нас надо было слить. Вот он и занялся. Теперь все ясно. Спасибо, Резвый. Хотя какой ты уже резвый с перебитыми ногами и раздробленными пальцами?..

Трупы обшмонал, Резвого отнес подальше в джунгли и оставил — так ему будет интереснее, да и живность пусть порадует. Сел в свою лодку и вернулся. Так же через черный ход вошел в дом. Кивнул хозяину на немой вопрос и ушел к себе. А внизу праздник только набирал обороты.

Проснулся я поздно, но в отличном настроении. Умылся, оделся и спустился завтракать. За стойкой хозяина не было, была девица. Ну, такую никто не рискнет обидеть, с ее габаритами и подходить-то страшно, а ведь порхает по залу — вчера сам видел. Кто сказал бы, не поверил. В баре был тот странный мужик, и я четко почувствовал, что он ждет именно меня. Заказал себе завтрак. Ну, как заказал — кивнул девице, и та унеслась на кухню. Вкусы

мои она вчера запомнила, так что вопросов, что я буду, у нее не было. На завтрак была вырезка из вчерашней обезьяны. Вот жук хозяин, и как припрятать-то сумел?

— Вчера для вас специально на завтрак оставили в холодильнике. Тут немного по-другому приготовлено, и кусочек поменьше — как раз для завтрака.

— Спасибо, Вена. Я все больше радуюсь, что остановился именно у вас.

О боже, она умеет смущаться! День чудес, да и только.

— Это вам спасибо, вчера выручку за весь цикл сняли, так что кушайте. Когда хозяин проснется, он с вами рассчитается.

— Эээ... За что?

— Ну, так вы же не пили вчера почти ничего, а обычай есть. Что люди вам на выпивку скинули, хозяин вам переведет на браслет.

— Вот как, век живи — век учись. Не знал такое. Спасибо еще раз.

— Не за что. Вы ешьте, пока не остыло.

И упорхнула. Не, ну как при такой массе тела и габаритах она порхает между столами? Но она права, нельзя дать остыть тому, что так вкусно пахнет.

Доев порцию и немного подобрев, я кивнул мужику, что ждал разговора со мной, — в этом я не сомневался. Ждал спокойно и не напрягая меня. Он переместился ко мне.

— Меня зовут Жан Раст. Я хотел с тобой поговорить.

— Я так и понял. Слушаю.

— Про смерть от обезьяны напарника ты вчера соврал, но сам его ты не убивал, — констатировал он и уставился вопросительно на меня.

— Ну, не говорить же, что пока тащил, жук на него свалился и укусил. Так героичнее как-то.

— Не врешь. Если бы я понял вчера, что ты гниль, этого разговора бы не было, и хозяин этого заведения так бы тебя не привечал. Но вопрос прояснить надо было. Между нами только.

— Я понял.

— Ничего не хочешь рассказать?

Я задумался. С одной стороны, светиться мне излишне не хотелось, но про волков все равно станет известно, просто чуть позже — когда сдам. Местные могут и обидеться на меня, что зажал правду. Нет, ничего они не сделают, но вот хрен я сниму тут себе номер или куплю что-то у барыги.

— Идем, — сказал я и потопал к себе в комнату. Жан Раст встал и пошел за мной, как будто только этого и ждал. Или действительно ждал? Хрен поймешь этих экстрасенсов местных.

— Вот еще добыл, — достал я еще упакованные органы волчатины.

— Не узнаю, что за зверь?

— Волки.

— Волки? Даже не один?

— Четыре.

— Можно я задам вопрос, а ты на него честно ответишь?

— Да ради бога, если не секрет.

— Что ты с ними собираешься делать?

— Поехать на базу, сдать корпоративам и закрыть кредит. Себе что-то прикупить там.

— Я так и подумал. Не надо ехать, выстави тут на торги.

— Хлопотно: либо уведут, либо меня заколеблют.

— Дураков лезть на выжлятника нет. А хранить есть где — у торгоша Резного тут и хоромы, и склад, и камера хранения. Под его поручительство оставишь при свидетелях.

— Не возьмется он.

— С чего бы это? Тут поселение поручительство ему дает по соглашению.

— Зачем столько мороки?

— Корпоративы сами выкупят товар, причем немедленно, как узнают. А узнают быстро. Поставь три дня торги. Многие попытаются перекупить, чтобы потом перепродать корпоративам или на лекарства себе. Такой товар — редкость, а уж в таком количестве вообще. Сильно много не поднимешь, но в полтора раза больше получишь, чем придя к ним сам.

— А какая вам выгода?

— Торговец получает рекламу, и пока у него твой товар — оплату от поселения за охрану, ну маленький процентик, само собой. Товар дорогой, и поселение в таких случаях ему деньги компенсирует. Народ будет это все обсуждать, а такие дела обсуждаются в баре — тут им и выручка. Ну, а поселение свое получит, если ты снимешь у нас дом, ну или закажешь — тебе построят. В кредит или оплатишь сразу — без разницы. И еще момент: процент с выставленного товара делится между поселением и торговцем. Минусов нет.

— С чего такая щедрость?

— Ты выжлятник. Выжлятники охотятся в одиночку и леса не боятся. Где охотники мрут, там такие, как ты, проходят без проблем. Ну, а с трофеями куда выжлятник идет? Правильно, домой. А добыча ваша нам нужна, не такая дорогая, попроще и подешевле — антидоты и лекарства надо же из чего-то делать.

— Если я тут поселюсь, то по законам буду вам продавать дешевле часть добычи — мне в чем выгода?

— Не смей меня. Вашему брату прибить пяток древесных крыс по дороге — и не напряг даже, или крастов парочку, а поселению — цикл активной жизни. Куда ты без антидота пойдешь-то? Нет, ты-то пойдешь, вашему брату начхать на ядовитость местную, ну почти на всю. Но нам-то как? Пропуску принять придется все равно. Сейчас я пришел к тебе, как узнают другие поселения — придут и другие. Послать не получится, или игнор от всех, или прописывайся где-то.

Вот это дела! Оказывается, я далеко не уникален, очень точно описал меня в лесу мужик, ну это я и так мог предположить, но надо бы узнать побольше. И название такое непонятное — выжлятник. Непонятное, потому что нет у них тут таких окончаний. «Выжл» могло бы быть, но не выжлятник. Чем-то родным попахивает от слова. Но это на грани ощущений.

— Да и чем тебе у нас не по вкусу? Резвый, я так понял, исчез навсегда из поселения, а больше гнили такой нет у нас.

А с другой стороны, чего мне ерепениться-то? Мы и раньше тут часто на цикл дождей оставались, хорошее поселение, и дороги с него удобные.

— До угодий далековато.

— Ну, так вы все равно уходите в них надолго.

— Много ты о выжлятниках знаешь, а вот я ничего.

— Да мало вас просто, каждого по именам знают. Ну, выжлятники сами и знают. Я не интересовался, далеко они все от нас. Так что вживую и сам первый раз вижу.

— Но определил как-то?

— Я интуит-сенсорик, если по-умному.

— Вопрос снят.

Ох-е, это ж бывшая моя мечта — интуитивно чувствуешь, как правильно, и можешь понять, что и где лежит, главное, вещь до этого в руках подержать. Но для охоты не очень подходит. Я мечтал о таком в дополнение к своему дару.

— Прописывайте. Дом — хочу терем из дерева.

— Ээээ... Я не знаю, что это.

— Да я тоже смутно представляю, что это, но хочу.

[Купить полную версию книги](#)